

МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ

Лохк-Морен. Крепость Блефлэйм

Максим Максим Владимирович
Лохк-Морен. Крепость Блефлэйм.

«Издательские решения»

Максим Владимирович М. В.

Лохк-Морен. Крепость Блефлэйм. / М. В. Максим
Владимирович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837936-9

Усаживайтесь поудобнее, вашему вниманию мы представляем нашу новую версию известной легенды! История леденящая кровь! Рыцари и драконы, золото и коварные красавицы, приключения и тайны! История рыцаря, именуемого Томасом из Брейи, чья удивительная жизнь навсегда изменила нашу страну, сразу в четырёх актах! Итак, акт первый. Крепость Блефлэйм!

ISBN 978-5-44-837936-9

© Максим Владимирович М. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	17
Глава четвёртая	23
Глава пятая	31
Глава шестая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лохк-Морен. Крепость Блефлэйм.

Максим Владимирович

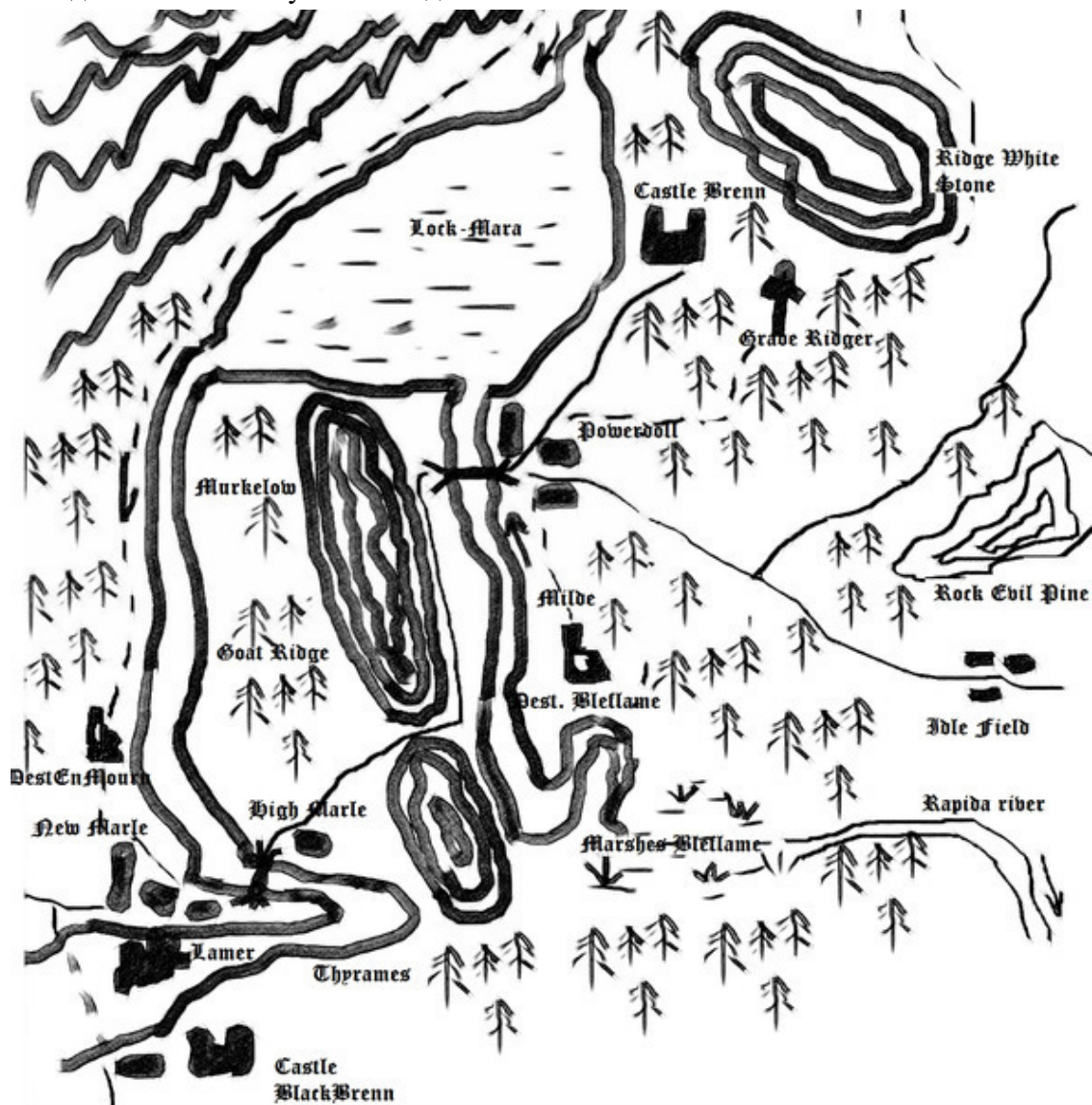
Иллюстратор Максим Владимирович

© Максим Владимирович, 2017

© Максим Владимирович, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7936-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Карта первой части пути сира Томас из Брейи, что был пройден им в графстве Камбери, в краю озёрном, издавна именуемом также Лохк-Морен, кои деяния и привели к потрясениям великим, зовущихся Войной Драконов. Да хранят корону все святые и Белый Дракон!

Глава первая

– Э-эй! Да стой же ты! Погоди! Куда ты бежишь! Дурень, остановись, я тебя спросить хочу!

Но крестьянин, бросив прямо на тропинке в кучу большую вязанку хвороста улепётывал со всех ног, мелькая среди тёмных стволов высоких сосен и жёсткого низкого кустарника. Всадник выругался и пнул вязанку. Конь сзади фыркнул, явно с издевательской ноткой.

– Да знаю я. Они тут все какие-то перепуганные. Или я на местного владельца леса так похож. Или тут есть чем нам с тобой поживиться. Как думаешь, есть тут для нас работёнка?

Конь мотнул головой. Всадник вздохнул, почесал давно уже почерневшую от грязи лодыжку и повернулся к своему костерку. Вся его нехитрая одежда висела на верёвке, укреплённой между двумя соснами, он остался в одном исподнем, которому тоже не мешало бы простираться. Оружие и доспехи лежали на попоне. Рядом седло и большой походный мешок. Где большую часть занимало зерно для коня. Он же обходился уже давно только тем, что мог собрать или поймать в течение дня. Конь принялся снова ощипывать тёмные листья кустарника, горькие на вкус человека.

– И как ты такую дрянь ешь, Левкой? От него же язык пухнет!

Левкой, так звали его некогда великолепного герцогского любимца, а теперь довольно потрёпанного жизнью старого мерина, дёрнул ушами, и продолжил обрывать листья. Человек уныло осмотрел свои скромные припасы. Краюха старого хлеба, хорошо ещё не плесневелого, подарок странника за перевалом, награда за спасение от кабана. Пара варёных голубиных яиц, остатки вчерашнего пиршества, и кусок голубя, ещё даже не пахнувший. Сморщенные и кислые дикие яблочки, собранные по пути через перевал. Небольшой кусок вяленой баранины, не слишком твёрдой, чтобы использовать её с целью самообороны, но недостаточно мягкой даже для твёрдых зубов искателя приключений. Несколько полосок варёного мяса убитого ранее кабана, уже слегка отдающих тухлостью. Пир, по представлению некоторых или убогое зрелище, по мнению других. Всё зависит от того, где ты находишься сейчас, в конкретный момент, и кто ты в этот самый момент есть. Наёмный воин, свободный и свирепый раубриттер, солдат, возвращающийся с войны, член дружины местного владыки, или сам мелкопоместный дворянин, браконьер, вор, дезертир, каторжник, висельник. Любой из этих эпитетов мог бы относиться к человеку, развалившемуся на еловой подстилке в своих грязных подштанниках, тоже подарок одного купца. И все они были не верны, не полностью отражали суть.

– Левкой, когда я, наконец, достигну этого проклятого Нью-Марл, то клянусь волосами из бороды святого Урри, поставлю тебя в чистый и просторный сарай, а может и в настоящую конюшню смогу тебя определить. Ты там выспишься, отлежишься, отъешься, настоящим зерном, пока я устраиваю дела барона Хьюго Вильбаскрэ, чтоб его демоны сожрали. Впрочем, пусть они его сожрут потом, когда его поверенный в Нью-Марл выплатит нам положенную сумму. Три золотых и пять серебряных. Ха! Когда-то я прожигал такую сумму за день! Помнишь, Левкой? А то, как же, ты тогда не ел дрянь с куста, и не пользовал тебя грубый и тупой коновал из деревни! Э-эх, знать бы, где уберечь себя – заранее свою жизнь бы устроил!

Человек замолчал, сорвал пару листьев и машинально сунул их в рот. Тут же сплюнул, ругнулся, взял одно голубиное яйцо, обстучал его и почти не жуя проглотил. Затем последовало второе яйцо, кусок баранины, пара яблок. Запив водой из кожаной фляги, набранной ещё вчера из ручья, от которого несло болотом, поморщился и снова улёгся. Был он широк в плечах, мускулист, светловолос, загорел телом, имел несколько шрамов на этом самом теле, следы боёв в далёких землях. Никто из близких, родных и знакомых не узнал бы его теперь, Впрочем, он бы их тоже не узнал. Вернее, постарался бы не узнать. Навлекать на чужие головы гнев короны за знакомство с предателем?! Нет уж, пусть всё останется так, как есть. Может

быть, скоро монарх отдаст свою душу, и всё же предстанет перед Судом, дабы ответить за все свои деяния на земле, как страшат свою паству попы? Говорят, он слаб здоровьем и падок на вино. А, как известно, при вступлении на престол новый монарх дарует амнистию всем, кроме самых отъявленных мерзавцев. Он же, сведя знакомство с молодым и плюгавым бароном Хьюго Вильбаскрэ, тешил себя надеждой, что тот в свою очередь, смог бы уговорить епископа Прокопа в заступничестве для изгоя.

– Впрочем, даже если меня и оправдают, в столицу мне хода нет. Слишком много всего произошло, мой верный Левкой. Слишком много.

Он снова замолчал, уставившись в голубое небо с редкими белесоватыми клубами облаков. Небо, такое же, как при Арк-дю-Пре. Такое же, когда он упал со своего Дапри, и в некотором замешательстве смотрел с земли за разгромом войск герцога. Его природная сообразительность спасла ему жизнь на поле боя, он убил троих, прежде чем кто-то обратил внимание на человека в дорогих латах. Влез на первого попавшегося коня без седока, которого конь тащил за собой, рыцарь бежал, как какой-то наёмник. По пути случайно, в неразберихе, убил второго сына герцога Маллеброка. Если бы он догадался уже тогда сорвать свой герб с доспехов, бросил бы щит, никто не смог бы опознать дезертира и убийцу маркиза Артура. Но, хорошо рассуждать о чём-то, сидя у камина и потягивая подогретое вино с пряностями. Даже при наличии амнистии, герцог Маллеброк всё равно не устанет искать убийцу своего сына.

– И следует из этого, мой дорогой Левкой, что прятаться мне предстоит до самой кончины герцога, а то и его сыновей. Дрянь моя жизнь. И никто в ней не виноват, кроме меня самого. И ещё парочки тварей. Однако мертвецов ругать бесполезно, а попы ещё и страшат, де это богохульство. Так что, друг мой копытный, идти нам дня два, если дороги не развезло. Ты ведь у нас старенький, тебе отдыхать надо.

Конь фыркнул, мотнул головой и осторожно потянулся к хлебу. Человек накрыл хлеб ладонью. Конь ткнул носом, но человек руку не убрал. Конь ещё раз фыркнул, повернулся и освободился.

– Спасибо тебе, за благодарность и доброту, друг мой!

Конь потрусил немного вниз, к новому кусту. Человек же вздохнул, почесал голову, нащупал пару насекомых, ругнулся. Ему ещё и этого добра не хватало. Для полного уничтожения отпрыска гордого рода древних королей только вшей не доставало! Маллеброк был бы доволен, узнай, как выглядит теперь его враг. Впрочем, последние два года он уже перестал обращать внимание на такие вещи. Он жил для себя, заботился о своём коне, а остальное было безразлично. Надо только следить, и при первом же признаке, что кто-то ищет его в окрестностях, бежать, не глядя на контракты. На самый крайний случай у него было четыре серебряных, двадцать два медяка, и три золотых, правда, «двойную корону» в деревне не обменяешь, только в городе. А наличие у оборванца-наёмника такого количества денег сразу наведёт менялу на нехорошие мысли. И тогда поймать и повесить его могут, посчитав, что он грабитель и разбойник. Что впрочем, тоже было правдой, хотя и неполной.

Где-то вдали, внизу, у самой воды, запел рог, конь настороженно вскинул голову. Человек тут же поднялся, прислушался, затем спешно стал собираться. Война, бегство и лишения заставили его всё время быть настороже, всё время быть готовым к атаке или защите. Конь тоже знал свою роль, он поспешил к хозяину, который ругаясь, натягивал слипшиеся, мокрые холщовые брэ, влажную рубашку. Пока он натягивал в спешке всё своё добро, и даже не успел оседлать своего старичка, как звуки горна стали раздаваться с трёх сторон. Два раз снизу, от дороги, и один раз со стороны гор.

– Левкой, а на нас похоже охоту начали. Возможно, этот дурак принял нас за кого-то....

Договорить он не успел, впереди, в просвете, между двух особо толстых сосен появилась фигура всадника в доспехах. Простой дружинник, что немного ободряло, но за ним следовало ещё три. Сумею или нет, в голове металась мысль. Прорвусь или достанут. Конь резко храпнул

и дёрнулся в сторону. Рядом стоял, тяжело дыша, огромный чёрный пёс, с влажной курчавой шкурой. Дикие глаза буравили седока и коня.

– Вот так вот. Волкодавов спустили. Что же, приготовимся. Пока они не нападают, может всё и разъяснится.

Он выжидал, пока семь всадников и пять волкодавов их окружили. Никто не нападал, молча разглядывая его диковинные доспехи, остатки бывшего богатства, подарки и краденые части рыцарского обмундирования. Наибольший интерес вызывал конь, явно старый, но хорошей породы, и длинный меч в ножнах, расположенный за спиной. Вперёд последним выехал невысокий человек на пегой лошадке, и в отличие от всадников, был он толстым, носил тёплый шерстяной плащ, хотя стояло лето, и был весел. Причина веселья обнаружилась очень быстро.

– Прошу прощения! Крестьянин с криками догнал нас и сообщил, что в лесу разбойник. Я, как бейлиф округа, поспешил с частью своих людей. Вижу, однако, что вы не разбойник. Крестьяне напуганы, в последнее время в лесах стали появляются нехорошие признаки. Да ещё и торговец пропал....

– У вас нюх на разбойников? И зачем тогда надо было всё вот это?!

– Я же говорю, я бейлиф Стерн, назначен бароном Кармайклом, владельцем замка Бренн и окрестностей, от хребта Белого камня, до скалы Злой Сосны, от реки Мильд и до берега озера Лок-Мара. И даже на вопли глупых сервов следует мне реагировать. Но вижу, тревога была напрасной!

– Конечно, напрасной! Кстати, никаких разбойников там нет. Я вчера из-за хребта перебрался. Там только один странник, святой человек мне повстречался. Я его спас от клыков кабана. Клыки при мне, и немного мяса.

Бейлиф и его люди переглянулись. Впрочем, возможно ему просто показалось, но взгляды были у них не самые дружелюбные. Бейлиф, улыбнувшись пуше прежнего, и с явным преувеличенным радушием спросил.

– А как выглядел тот странник, святой человек?

– Ну...был он стар и сух. Как и все странники. От мяса отказался. Говорит, грешно ему питаться таким образом. Ходит босой, все ноги в мозолях, одетый в рубище, как и все подобные странники. Клюка у него примечательная, не простая палка, а вроде бы вырезанная из чёрного дерева, с каким-то навершием из металла. Змея, свёрнутая в кольцо, что ли, мне некогда было разглядывать...

Бейлиф втянул воздух ноздрями, и явно преодолевая себя, свою ярость, несколько отстранённо сказал.

– Простите, а вы кто такой? Не могли бы представиться? Вы я вижу, человек учёный, бывалый, но имени я вашего так и не узнал.

Человек задумался, если он представится своим настоящим именем, то кто знает, не ищут ли его по всему западному побережью по настойчивой просьбе герцога Маллеброк. Его заминка явно не понравилась бейлифу.

– Вы о чём-то думаете, сударь? Вам нечего мне сказать? Или быть может, вы скрываете своё имя?

– Ну, скажем так, я не желаю, чтобы моё имя звучало в этих местах. Видите ли, я прибыл сюда инкогнито, то есть, тайно, по поручению барона Хьюго Вильбаскрэ, для урегулирования некоего щепетильного дела, содержание которого вас не касается.

– Но от чего? Я бейлиф! И я лично знаю судью Марл! Возможно, я полагаю, что вам будет более уместно всё же посвятить меня в свои планы.

– Нет, не думаю. Видите ли, дело это носит несколько интимный характер. Впрочем, чтобы вы не считали меня вруном – вот, возьмите грамоту, оформленную по всем правилам.

Он вынул грамоту, с печатями барона Хьюго. Бейлиф ревностно прочёл всё, внимательно осмотрел печати и несколько разочаровано вернул грамоту обратно, после чего продолжил.

– Но ведь я должен как-то представить вас своему господину?! Даже инкогнито вы должны как-то представляться. И иметь на такое имя эдикт герцога.

Чтобы тебя демоны в Кай-Хоу утащили! Ладно, придётся воспользоваться неприкасаемыми бумагами. Он достал из тубы бережно хранимую бумагу о том, что податель сего есть Томас из Брейи, анонимное имя дворянина, служащего на благо короны и лично герцога. Он отдал за эту вычурную грамоту почти два золотых писарю герцога Элдингского. Писарь бесплатно даже придумал ему новое имя, вроде бы действительно действующего в интересах короны бывшего вора и убийцы. И хотя он и не воспользовался предложенным именем, даже то, что было вписано, при наличии печати герцога защищало его лучше, чем королевская стража. Вот и бейлифа эта обманка впечатлила, он почти тут же вернул её назад.

– Ох, прошу прощения, сир! Вы согласитесь последовать за мной, к моему господину, барону Кармайклу, владельцу замка Бренн?

А куда я денусь, ты старый дурень, хотелось выругаться всаднику. Но он помнил, никаких эмоций, никакой агрессии. Не из-за людей, но из-за собак, отменных охотников не только и не столько на волков, как на людей. Впрочем, у всякого дела есть две стороны. Не следовало забывать, что замок это если, не считая прочего, то хотя бы постель под крышей. Если не горячая, то вода, в которой можно откиснуть. Просторная конюшня и корм вдосталь коню. И сплетни о местных. Не было никакого желания лезть в Нью-Марл, не разузнав, кто и где сейчас находится. Барон Хьюго его об этом несколько раз отдельно предупредил. Достопамятный судья Марл, эсквайр Смолет, гадость и взяточник, но будет держать язык за зубами. Он-то и нужен в первую очередь. Бейлиф тут как раз, просто дар с небес.

– Конечно, бейлиф Стерн! Я, сир Томас, согласен сопровождать вас к вашему хозяину. Вот только своё добро соберу, насколько бы оно не было жалким, мне нельзя до поры тратить деньги и обзаводиться вещами, коими должен владеть дворянин моего звания!

Бейлиф и его люди почтительно расступились, пока он в спешке собирал свои пожитки. Которых было так мало, что он через две минуты уже сидел в седле.

– Да, а почему мои слова о страннике вас так встревожили, бейлиф?

Тот покачал головой, цокнул языком, и затем, приблизившись к сиру Томасу почти к самому лицу, обдав перегаром и запахом лука, понизил голос и доверительно сообщил.

– Это государственный преступник! Некогда фаворит самой королевы, крестный сын самого старого короля, проклятый дезертир сир Френсис Марло, лишённый всех своих титулов и званий, земель и даже самого права на жизнь за убийство сына герцога Маллеброка во время войны! Его видели по пути к нам! Остерегайтесь такого негодяя! Никто не знает, что он может сотворить!

Глава вторая

– Сир, вы должны отведать этой утки! Её подстрелил сегодня мой сын! Родерик, покажись, не прячься!

Барон Кармайкл срыгнул, нисколько не смущаясь присутствующих, и засмеялся, довольный собой и своим отпрыском, вином и мясом свиньи. Отпрыск был худ, бледен и с прищуром, весьма неприятным, оглядывал гостя. Если бы он не сидел за столом в Бренн, то Родерик вполне бы сошёл за одержимого тайными знаниями, алхимики или даже оккультиста, которых сир Томас достаточно встречал ещё в столице, в другой своей жизни. Был баронет не сильно похож на своего огромного и рыкающего отца, с тёмными волосами, большим носом и громким голосом. Не факт, что сын от него, мелькнуло в голове у сира Томаса, пока он усиленно работал челюстями. Утка была так себе, но обижать радушного хозяина не хотелось, ведь старикан сам того не понимая выдал ему столько всего! Бейлиф, уже пьяный, спал прямо за столом. Пара мелких помещиков, друзей барона, сир Грегори Пекк и сир Антони Де Росбан, подобострастно соглашались с любой чушью, выдаваемой их властвующим другом и попечителем. Жена барона, леди Бирка, слишком молодая, чтобы быть матерью детей барона, хихикала, как девчонка, и очень выразительно поглядывала на сира Томаса. Тот делал вид, что занят едой, а сам быстро соображал, оценивал, прикидывал. Он уже принял к сведению, что его первоначальный план никуда не годится. Сейчас проход мимо Хребта Козла затруднён, из-за неожиданного обвала. Кто-то винит во всём разбойников, желавших таким образом увеличить время для своих делишек. Кто-то предполагает, что вина лежит исключительно на лорде Амори Хельгарте, владельце одноимённого замка на острове Ламер. Кто-то высказывал мысль, что вина лежит исключительно на стадах коз, расплодившихся в последнее время. Съедая растительность со склонов хребта, и постоянно носясь большими стадами, они и вызвали обвал. Но священник местной мелкой церквушки, отец Дамбар, с ужасом пророчествует, что сие есть деяния сил тьмы и разрушения. И следует из этого то, что пора построить хотя бы молельный дом на пути странников. Или даже часовню.

– Вот ведь, поп проныра! Строй ему! Ха-ха-ха! Я его велел прогнать! Правда, Родерик, поспешил внести некоторые коррективы в мой скоропалительный приказ. Так ведь Родерик?

– О, да! Наш Родерик такой умный! Такой смекалистый! Позавчера смог обыграть в карты заезжего богатого купца! – Жена барона влезла в разговор, и хотя барон вроде не заметил и никак совершенно на её тираду не отреагировал, баронет скривил такую физиономию, будто ему предстояло лечить сразу половину зубов у заезжего лекаря. Интересно, кто этот богач? И почему сопляк его обыграл? Схитрил? Или...

– Ладно, Бирка, это тема для другого разговора. Я же чего хотел сказать? О, проклятье! Ах, да! Так вот, Родерик и предложил мне. Скажи ему, сказал мой ненаглядный сынок, чтобы отец Дамбар отправился и отслужил мессу в месте предполагаемого появления демонов. Вы бы видели рожу у нашего попа! А как он стал заплетаться, икать и даже голосом стал напоминать деревенскую бабёнку! А-ха-ха!

– Точно! Так и есть! Всегда таким был! и зачем он нас донимает! Пускай крестьянам мозги дурит! – Сиры Грегори и Антони наперебой загалдели, стараясь показать большее рвение в плане поддержки своего благодетеля. Жена тоже самодовольно закивала головой. Бейлиф пускал слюни. А вот Родерик снова скривил физиономию, и слишком как-то, злорадно. Интересно.

– Барон, а вы не думаете, что за всем этим есть нечто правдивое? Ну, ведь было в прошлом году нападение лешего на купцов под Брайтли. И пострадавшие, и убитые были.

Всеобщее веселье оборвал невысокий и сидящий господин, кто-то из Айдлов, владельцев деревни Айдл Филд и небольшого участка возле неё. Хотя он и по закону был его вассалом,

держался он вполне себе независимо. Сир Томас дожевал жесткую птицу, выплюнул кость, что было для него в последнее время не характерным, слишком расточительным. За столом несколько притихли, но барон быстро нашёл тему для разговора.

– А, вот значит! Мой сынок, от моей первой жены, Элеоноры, Родерик, прошу вас обратиться на него внимание, очень даровитый молодой человек, хоть и мой сын. Впрочем, вы уже вроде бы представлены... тогда ладно, продолжим. Вот этот купец, некто Тимоти Тондал, проиграл моему сынуле почти сорок золотых! Вы представляете! За два часа игры в гвину!

Неизвестно, слышали ли эту историю остальные участники застолья, но кроме спящего бейлифа, и самого Родерика, оставшегося невозмутимым, бурная реакция поразила сира Томаса. Хотя если отвлечённо подумать, не такое уж и надуманное это было ликование. Сир Грегори в самом начале пира обмолвился, что весь его феодал даёт от силы двадцать три золотых в летние полгода, хотя его отец получал почти тридцать даже зимой. Тут же сразу сорок золотых за несколько часов игры в тупую и запутанную карточную игру. Впрочем, что-то тут не то, возможно сынуля утаивает от родителя какие-то свои тёмные делишки, а игру придумал, чтобы оправдаться появлением сразу такой крупной суммы игрой в карты. Эсквайр Лоннер, неопрятный человек неопределённого возраста, даже глаза закатил и открыл рот, предоставив всем желающим узреть ряд его гнилых зубов. Его доченька или сестра, с таким пылом уставилась на баронета, что тот снова отвернулся к окну. В глазах у баронета сир Томас успел узреть ярость. Что-то тут интересное творится, неизвестное, тайное. Всё как он любит. Возможно, он даже сможет на этом заработать.

– Но вы понимаете, что человек, разъезжающий с такой суммой денег в одиночку как минимум странен. Я бы проверил на вашем месте, сир Родерик, не фальшивка ли ваш выигрыш. А то знаете ли, судья Марл ещё тот сухарь в делах касающихся денежного производства и оборота подделок.

– Э-э-э, сир Айдл, вечно вы, живя среди сосен и болот, рядом с трактом, где водятся всякие проходимцы, ищите опасности там, где их нет! Конечно же, мой сын проверил деньги! И я тоже проверил их, и даже Бирка проверила!

– Да-да-да! Это самые настоящие золотые флорины! Но не простые, и не корона, или корона в просторечии, а самый настоящий двойной золотой! – Счастье Бирки было несколько непонятным, но сир Томас решил не рисковать гостеприимством барона из-за своего языка. Он заметил, что даже невозмутимый Айдл несколько приуныл. Подпевалы барона, сир Грегори и Антони едва не захлебнулись слюнями, а эсквайр Лоннер и его молодая родственница с такой любовью стали разглядывать отрешённого от окружающего безумия баронета, что сир Томас и пенни не дал бы за его неприкосновенность после окончания застолья. Нет ничего более волнительного и желанного для молодой благородной, воспитанной на суровом Листопаде девице, чем неожиданно появившейся рядом обладатель состояния, превышающего всё имущество семейства девицы.

– Мой сын, моя кровь! Стоит ли удивляться, что он сумел обыграть зазнайку из столицы! – Барон был красный от вина, еды, и счастья. Бирка тоже слишком принимала к сердцу радость супруга. Сам виновник торжества был холоден и отрешён. Кстати, заметил сир Томас, юноша не съел за вечер и половины того, что было подано старику, бывшему мажордому Ирвину, родственнику молодой леди Бирки. А подано старику было не слишком много. Пара картофелин, кучка жареной капусты, жареный лук и кусок, не слишком большой, жареной курицы. И ничего не пил, кроме воды, баронет, оглядывая окружающих его людей с не самой приятной улыбкой.

– А можно нам посмотреть на такую монету! – С подобострастием спросил сир Грегори.

– Конечно. Бойд, принеси мой кошель! – Рывкнул рыжему слуге барон Кармайкл. Тот сорвался со своей низкой скамейки и скрылся в проёме, ведущем в кухню и другие помещения.

Гость огляделся, не каждый день ведь он теперь бывает в замках. Пусть этот грубо сколоченный, кое-как слепленный из камней и кое-где кирпича уродливый короб они именуют замком, но по сути это был только большой форпост, но ни как не замок владетельного лорда. Слишком много всего, и слишком мало места, мало света, запахи с кухни и не только с кухни доносились прямо сюда, в самую лучшую часть замка. Двор, весь застроенный всякими пристройками, хотя и выложен кирпичом, кладка уже во многих местах пошла волнами, отчего идти становилось не слишком удобно. Внутри замок тоже был пугающе неухоженный. Потолок в зале был чёрен от копоти, видно, что раньше, а судя по запаху и кое-когда сейчас, посреди зала жарили на открытом огне большие туши, кабанов или свиней. Столы хотя и отскребли на скорую руку, кое-где встречалась накопленная за годы использования жирная грязь. Скамейки были новыми, настолько, что те, кто надел хорошую одежду должны были опасаться за её сохранность. Камин пылал, потому как, хотя и было сейчас лето, пускай и не самое жаркое, но всё же лето, в замке было холодно, как в погребе. Какие-то щиты висели напротив тусклых узких окон, но гербы он не смог разглядеть. От грязи, пыли, и темноты ничего не было видно, даже намёков, кто оставил тут эти щиты. В зал вбежал запыхавшийся Бойд, почтительно неся новенький кошель из красного бархата. Взяв из руки слуги кошель, барон вроде бы небрежно рассыпал содержимое по столу. Женщины ахнули, мужчины едва сдержали себя. Бейлиф хрюкнул и почмокал губами, привалившись к эсквайру Лоннер, но тот даже не заметил этого.

Горка золотых, новеньких, монет с летящим ангелом тускло поблескивала при свете свечей. Да, тут было так темно даже днём, что на столе стояли свечи в тяжёлых подсвечниках. Все уставились на монеты, не решаясь взять их, либо нарушить тишину. Первым пришёл в себя сир Грегори, и осторожно взял в руку монету. Внимательно повертев её, он попробовал на зуб, затем снова стал ощупывать, словно пытался найти изъян, потерю, объяснение, откуда это свалилось на его сюзерена. Но ничего не нашёл. Сир Антони выхватил у него монету и с ещё большим жаром стал изучать сокровище. С таким же результатом. Две монеты взяли эсквайр Лоннер и его родственница, с большим энтузиазмом стали смотреть, щупать, пробовать. Айдл с сомнением взял одну монету, повертел в руке, затем достал нож и положил монету на него. Пригляделся, затем поднёс к свету свечи. Кашлянув, он привлёк к себе внимание, до этого полностью полощённое золотом.

– Прошу прощения у уважаемого хозяина, но мне кажется, монета фальшивка. Посмотрите, у ангела приподняты крылья, а должны быть прямыми! Боюсь, мой дорогой баронет, вас надул прохвост из столицы. Кстати, я не как не мог понять, откуда мне знакомом имя вашего купца, Тондал. И вот благодаря огню вспомнил! Это беглец, преступник! Был осуждён Высоким судом на смерть, как еретик, вор, враг веры и короны, путём сожжения на костре. Но чудом сбежал из темницы. И вот он оказывается, где теперь скрывается. . . . Я полагаю, надо сообщить всем окрестным лордам, а также и властям графства, дабы они предприняли меры по поиску и аресту негодяя! Он способен на гораздо большие преступления, нежели распространение фальшивых монет!

Тишина окружила залу, даже слуга кажется замер с подносом. Один бейлиф видел какие-то очень уж сладкие сны и выразительно кривил губы, и время от времени причмокивал. Все положили монеты обратно в кучку. Барон нахмурившись собрал монеты в кучку и сунул их в кошель. Баронет Родерик с нескрываемой ненавистью уставился на Айдла.

– Вы уверены в своих словах, дорогой Джереми? – Леди Бирка попыталась разрядить надвигающуюся грозу. – Может вам показалось, может быть, вы ошиблись, и только ЭТА монета была НЕПРАВИЛЬНОЙ?!

Айдл наконец-то внял голосу разума, и нервно кивнул.

– Конечно! Я ведь не видел всех монет! Барон, может быть, вы дадите мне пару, и я сравню. . .

– Конечно, дорогой мой! Вот, видите, тут нормальные крылья. Сами ведь видите. А ту монету можете оставить себе! Выплавите своей дочери колечко!

Барон сразу смекнул, какую игру ведёт его жена. Айдл принял их условия. И почти не глядя подтвердил слова-указания своего сюзерена.

– Точно, как вы и говорили! Это нормальные монеты! Вон, крылья прямые! У обоих ангелов!

Он вернул монеты хозяину, заметно побледнев. Баронет не спускал глаз с нерадивого гостя. Остальные видимо были слишком глупы или пьяны, потому как тут же стали тянуть руки вновь. Но барон более не дал прикоснуться к своему сомнительному богатству. Единственные, за исключением семейства барона, кто не коснулся монет, были бейлиф и он, гость, человек герцога Элдингского, прибывший с неким поручением барона Хьюго Вильбаскрэ, сир Томас из Брейи.

– А вы, сир Томас, почему не взяли монету в руки? – Бирка решила уверить всех, что монеты настоящие.

– Леди, не в моих принципах касаться чужих денег. Тем более такого высокого достоинства и мастерства!

Барон захохотал, не понятно, понял он очень тонкий намёк, или же просто решил выплеснуть свою энергию. Остальные гости тоже радостно загалдели. Кроме Айдла. И баронета. Кто тебя за язык тянул, дурень! Тебе ещё в Нью-Марл ехать! Через Хребет Козла!

– Ну, полагаю, надо уже и собираться назад. Мне ещё в Пауэрдолл надо заехать, купить кое-чего. – Айдл засобирался, слишком уж быстро. Чего-то испугался, или донести хочет? Это не входило в планы Томаса. Ведь тогда его тоже могут остановить на ближайшем посту и расспросить, что он видел, что знает. А вдруг его опознают?! Нет, рисковать нельзя!

– Сир Айдл, к сожалению, не помню вашего имени! Может быть, вы сможете составить мне компанию? Я хотел бы тоже сыграть в гвину. Или в тарокки.

– Э-э-э, пожалуй, я смог бы вам составить компанию, сир Томас.

Они уселись за отдельный столик, и хотя баронет наблюдал за ними с пристальностью кошки, стерегущей мышь, сир Томас был уже искушён в таких делах. Всё же он почти десять лет провёл в свите герцога. Как только они уселись, и Айдл не слишком радостно достал свою колодку карт, Томас шепнул ему, так тихо, что даже баронет не мог их услышать.

– Вы дурак, сир! В открытую говорить хозяину, что его надули, что у его сына выигрыш стоит меньше двух золотых – надо быть полным болваном! Кроме того, что рискуете своей жизнью, это, в конце концов, ваше право, подставляете ещё и жизни других присутствующих! А также ставите под угрозу выполнение одного очень важного поручения!

– Простите меня, сир. Я поступил необдуманно. Вы здесь новый человек, не знаете всего, потому я вам откроюсь – барон не так прост, как кажется. Но вполне разумен и открыт для новых знаний. А вот его сын...

Тут до них донёсся гул и лай собак, в зал вошёл высокий человек, наверное, немолодой, но из-за грязи и бороды это не возможно было установить, похожий на барона, в окружении собак. Он довольно бесцеремонно кивнул присутствующим, задержав глаза только на сире Томасе. От взгляда этого мурашки пошли по коже, отчего непонятно. Он был на войне, сражался, как наёмник, бился за свою жизнь, а взгляд этого человека был подобен взгляду из бездны.

– Отец, груз прибыл. А ещё я подстрелил двух оленей. Ламберт разгружает подводы. А это кто?

– Это, это наш гость, мой дорогой Стефан. Приближённый самого герцога Элдингского! Прибыл по поручению барона Хьюго Вильбаскрэ!

Барон просто сиял от гордости. В каком-то смысле он не самый плохой человек, подумал сир Томас. Просто слишком уж любит себя и свою честь. Зато его сыновья...

– Я бы посадил его под замок, отец. Ты разве не знаешь, что барон Хьюго был убит три дня назад?

– Как убит?! – Сир Томас, барон Кармайкл и Айдл вскричали почти одновременно.

– А-а-а, понятно, новость. А где вы пропадали, посланник барона и человек герцога?

В словах молодого Кармайкла явно слышалась издёвка. Сир Томас постарался ответить как можно более уверенно, чтобы никто не услышал дрожи в его голосе. Пропали его деньги!

– Я был на задании, причины, побудившие меня идти нехоженными дорогами, я бы не хотел открывать. Но благодаря этому пути я случайно наткнулся на некоего путника, как пояснил ваш отец, опасного преступника. Смерть же сира Хьюго меня, конечно, опечалила, но я тут не только из-за его поручения.

– Вот как? И тогда для чего вы прибыли в наш край? Вам известно, как некогда местные называли его, ещё до того, как красные орлы вострепнулись на берегу Кадноминуса?

– Признаться, не слышал. Вы можете меня просветить?

– О, да! Этот край они называли Лохк-Морен. Со временем перевод слегка изменили, и получилось, край озёр. Но изначально край этот звали Краем Мары или Моры. Мора – смерть. Приятного путешествия по нашему гостеприимному краю, сир.

Сказав это, Стефан молча повернулся и сопровождаемый угрюмыми людьми и свирепого вида псами удалился. Барон слегка занервничал, и встав, несколько неуверенно, извинился перед присутствующими.

– Мне надо срочно отлучиться. Необходимо проследить, чтобы всё, что привезли. Надо наблюдать, внимательно. Очень ценный груз.

Произнеся эту бессодержательную речь, барон, переваливаясь и кряхтя, удалился прочь. Бойд последовал за ним. Леди Бирка несколько нервно хихикнула, встала и заламывая руки, обратилась к гостям.

– Ну, а теперь мы можем последовать примеру нашего уважаемого сира Яго и сира Томаса! Родерик, ты мог бы начать игру! Покажи, как ты играешь!

– Зачем? Все и так знают, что я лучший игрок на этом берегу Лок-Мара. – В голосе слышалось явное раздражение и гнев. Он едва сдерживается. Было ли это следствием раскрытия его маленького секрета с монетами, или сам по себе он был вспыльчивым, сир Томас не мог сказать.

– Мы тебя просим, Родерик! – Девица возле эсквайра Лоннер пропищала, пожирая его взглядом. Тот замялся и сдался. Пока на них не смотрели, сир Айдл, он же сир Яго, быстро что-то сунул в руку сир Томасу, и прошептал тихо.

– Вас не будут обыскивать. Вы ведь не прикасались к монетам! Спрячьте её и никому не показывайте! Это просто заговор! Я его чую! Передайте с первой же почтой своему покровителю, что тут творится!

– Сир, я на самом деле ещё не понял, что тут творится! Если бы вы могли мне немного прояснить ситуацию...

В зал вошёл вооружённый седеющий человек, выше Томаса, с таким же взглядом и лицом, как у баронета Родерика. Он бегло оглядел притихших гостей, и задержался на двоих игроках за отдельным столом. Не спрашивая разрешения, он подошёл, взял табурет и уселся рядом с ними.

– Э-э-э, Кирк, что случилось? – Айдл стал несколько робким. Кирк посмотрел на их карты, перевернул кучку ещё не разложенных карт, достал одну, и положил сверху.

– Я выиграл. Ничего не случилось. Просто наш дорогой барон как всегда слишком добр. К проходимцам. Сир Томас или как вас там, вы могли бы пройти со мной? Только не надо сцен и попыток хватания за оружие. Я вас упрежу.

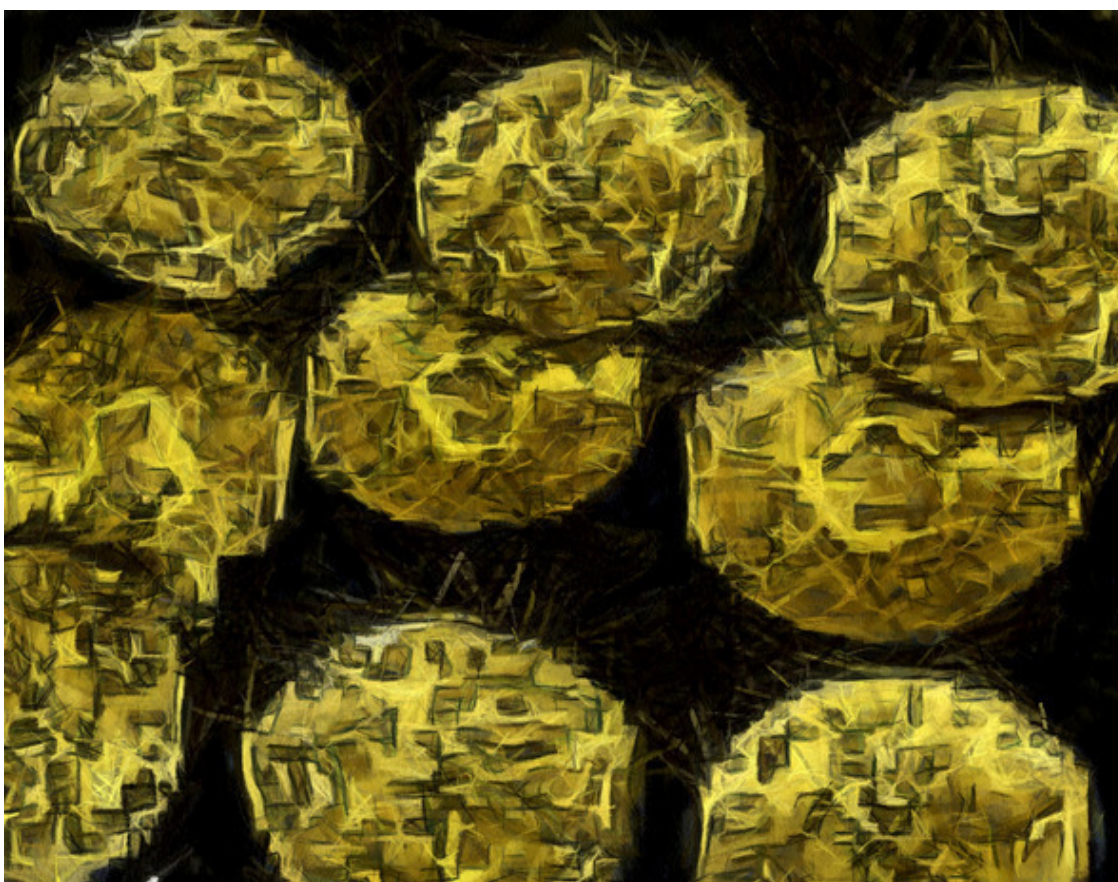
Говорил он довольно тихо и ничем не проявлял своих намерений. Гости сгрудились возле баронета, который стал довольно быстро метать карты по столу, попутно бурча какие-то объяснения.

– Что случилось, сир Кирк? К чему вы клоните? – Айдл был несколько обескуражен.

– Я к тому клоню, что вашему партнёру пора убираться отсюда, пока барон не узнал. Повод можно найти любой, к тому же вы уже успели выболтать, что с особым заданием прибыли в наш край. Поэтому и стремительное ваше отбытие, особенно после последних событий, а именно после смерти вашего, хм, заказчика. Пока Стефан не почуял неладно. Он только пока так рыкнул, для острастки, но ничего не знает.

– А вы знаете? – Сир Томас был взбешён. Его мечта поспать на соломе под крышей рушилась на глазах. И конь ещё не отдохнул.

– Конечно, я вас знаю. Неужели вы меня не помните? Я же был в свите нашего графа, старого Роя Соренсон в тот день, когда погиб молодой герцог Маллеброк.

Глава третья

Озеро было большим, или быть может, от густого тумана казалось, будто оно гораздо больше своих истинных размеров. Звуки гасли над водой, хотя несколько лодок трепыхалось в молочном вареве. Камни были скользкими от тумана и ночного дождя, неровными, и любой неверный шаг грозил обернуться травмой. Или смертью.

– Сир, хотя бы сейчас вы сможете мне объяснить, какого лешего мы тут искать собрались?!

Кирк Кармайкл стоял у самой кромки воды и вглядывался в белое безмолвие озера. Чертыхаясь, сир Томас проследовал за ним. Позади тихо и одиноко ржал Левкой. Конь не привык быть один.

– Тут. Это случилось тут, два года назад. – Голос у Кирка был глухим, и мертвенным.

– Что случилось? Сир давайте вы мне объясните более подробно, чего вы желаете узнать! Я приезжий и много не понимаю в вашем краю.

– Это и нужно. Вы сторонний человек. Кроме того, вы мне знакомы. Я не стану раскрывать ваше истинное имя. Платой за своё молчание будет не монеты и не ваша жизнь. Нет, мне нужен кто-то, кто сможет раскопать эту запутанную историю. Вы мне подходите. Вы умны, даже тогда, в прошлой жизни вы были на голову выше даже учёных отпрысков лучших родов. Ваша теперешняя жизнь закалила вас, снабдила необходимыми навыками. Единственным условием нашего устного договора будет сохранение жизни преступнику. Конечно, если вы будете поставлены в такое положение, что или он, или вы, я не буду возражать. Но мне он нужен живым!

– Хорошо. Согласен. А теперь расскажите мне всё по порядку, не срываясь с села, убегая на берег озера.

– Мой отец, Фиакр, был старше брата Иена, моего дяди, теперешнего владыки Бренн. По всему ему надо было быть законным владельцем замка. Но после неудачного похода в жаркую страну проклятых саракин он сильно изменился. Две тяжёлые раны, плен, бесчеловечное отношение к нему со стороны иноверцев, побег, снова плен, уже в более худших условиях, неожиданный выкуп богатым купцом, чтобы потом взять с него в три раза больше – всё это сломало его волю, надломило, как вот это дерево. Пока его не было, мой дед Киван умер от лихорадки, или от чрезмерного употребления алкоголя, которым пытался лечить свою лихорадку. В отсутствие законного наследника в права управления нашим домом Кармайкл вступил дядя Иен. По возвращению отца он ни разу не заводил вопрос по поводу передаче власти законному наследнику. К тому времени дядя уже женился на сумасбродке, дочери владельца так называемых Чёрных Бренн, Эвансе Картрайт, Элеоноре. От неё дядя стал счастливым родителем нескольких детей, в том числе и улюблёнка Родерика. Не подумайте, что я завидую ему, что лишение меня законных прав на Бренн уронило в моих глазах двоюродного брата. Нет! Отнюдь! Он настоящее исчадие преисподней, и поэтому я его ненавижу!

– Знаете, мне всё равно, как вы друг к другу относитесь. Просто как можно короче расскажите, что вас тревожит, а я по мере своих сил и времени постараюсь выполнить вашу просьбу.

Кирк замолчал, убрал руки за спину, насупился и стал ходить по берегу, пиная камни. Сир Томас с интересом стал наблюдать за ним. А он не такой старый, не сильно старше его самого. Просто невзгоды и возможно какая-то болезнь состарили его раньше времени. Он помнил его другого, во время войны, и не мог отделаться от неприятного ощущения. И не только по причине опасности разоблачения. Живой свидетель его бывшего позора, укор его позорному поступку, и одновременно оправдание избранного пути. Чего добился он, доблестный рыцарь из свиты старого Роя Соренсон, графа Уэстморского? Стал сенешалем своего дяди? И это после безумной и самоубийственной атаки на ряды тяжёлой наёмной пехоты, совершённой

отрядом, под командованием молодого Кирка в районе жалкого городишки Сювалле? Не так представлял себе жизнь тогда Кирк. Хотя и он тоже не такой видел своё будущее. Мрачные мысли одолели самозваного сира Томаса. Которые прервал его давний знакомец. Он уселся рядом, на ещё мокрый ствол старого дерева, неизвестно каким образом нанесённый сюда, и стал рассказывать. А может быть, исповедоваться?

– Я терпел моё положение. Из-за отца, из-за матери, из-за дурацкого преклонения перед вышестоящим начальством, которому обучился на войне. Если судить о дяде по его делам, то ты сам всё видишь. Был он никудышным правителем, и лучше со временем не стал. То унылое и покорёженное строение, в насмешку называемую замком Бренн, этому главный свидетель. Деньги тратились на своры собак, на наряды для обеих жён, на попытку обучить своих детей в именитых университетах, совершенно безрезультатно, на взятки вышестоящим властям, дабы заполучить хоть какое-нибудь доходное место. Но по причине наплевательского отношения к службе, даже такая жирная должность, комиссара королевского ревизора в нашем графстве, была им позорно потеряна. По причине не возможности предоставить этому самому ревизору сводку за три года. И я всё терпел. И отец мой терпел. И одновременно выплачивал через посредников сумму выкупа. Я подсчитал, сколько за всё оставшееся ему время отец выплатил из своих скудных доходов купцу. Он мне не говорил ничего, ни сколько отдал или занял денег во время возвращения из плена, ни то, сколько ещё должен был, но примерные цифры у меня имелись. Только за последние три года жизни он выплатил купцу почти сто золотых. Не считая отказа от небольшого владения к востоку от Нью-Марл, наследства моей бабки, матери моего отца, в пользу купеческой гильдии. А всё вместе, деньги и имение, это почти пятьсот монет.

– Сколько?! – У сира Томаса дыхание спёрло в груди. Кирк лишь усмехнулся.

– Это поверь мне не самое страшное. Намного хуже было жить в постоянном состоянии приживалов. И хотя сам дядя ничего нам не говорил, но его жена, старая, леди Элеонора, отравила мне мою жизнь. Пока не свалилась с лошади, когда ездил к своему любовнику сиру Яго Айдлу. Был дождь, лошадь оступилась, и свалилась в Мильд. Их тела потом вынесло недалеко отсюда, вон у того камня нашли, через день.

– Э, а, э, но тогда почему твой дядя приглашает бывшего любовника своей жены к себе в гости?

– А куда он денется! Айdl хоть и крутил шашни с его женой, человек большого ума и опыта. В последнее время только хватка сира Яго и спасает нашего сюзерена от разорения. Остальные этого не знают, но те небольшие суммы, что барон Кармайкл получает почти полностью идут в руки сира Яго. Он пускает их в оборот, даже в долг ссужает, под несколько больший процент, чем банкиры Триафануччи, зато не травит должников бандитами. И только за счёт наvara с тайных операций наше баронство ещё не пошло с молотка. По требованиям оплаты векселей от тех же Триафануччи. Или погашения долга перед семейством купцов Солонц. На оплату процентов каждый месяц тратится почти сорок золотых. А ведь надо ещё и долги возвращать. Потому дядя держится за сира Яго, и даже если тот станет оказывать знаки внимания леди Бирке, просто закроет на это глаза. Если ничего не случится, через пару лет он сможет покрыть долг перед Солонц, и спишет половину долга перед банкирами. А ты полагал, что попал в замок зажиточного человека, а?

– М-да. Первое мнение всегда ошибочное. Прав был Ингви. – Сир Томас глубокомысленно вздохнул. Хотя сам хотел только одного – поскорее избавиться от общества старого знакомого.

– Это точно. Но и это не самое противное. Самое противное – его сын, мой кузен! Вот кто главная угроза всем нам. И тебе тоже. А теперь, после происшествия с монетой, сир Яго в смертельной опасности. И это будет твоя первая задача. Справишься – будем думать дальше.

– А чего это ты перешёл на «ты»? – Слегка обиделся сир Томас, и встал со своего места. Кирк тоже встал, он был почти на полголовы выше, и в плечах не уже своего старого знакомого. С таким не порезвишься на кулаках, сразу пойдёшь считать зубы на песке.

– Хватит! Ты не сир Томас, и я это знаю! Уж наедине давай не будем этих церемоний разводить! Мне дома всё это до тошноты уже! – Он ткнул ладонью по горлу. – Ты обещал взяться за любую работу – и вот тебе работа!

– Хм. То есть ты меня нанимаешь? Наёмникам обычно платят. Кроме того, что ты сохранишь моё имя в тайне, мне чего-нибудь перепадёт?

– Сир Яго, я полагаю, будет все непременно рад, что остался жив, потому наверняка оплатит все твои расходы и покроет, чтобы не вызывать беспокойства. Я же тебе пока буду предоставлять бесплатно информацию о людях, живущих в этом краю. Поверь, я много знаю такого, чего даже попы не ведают!

– А мне, зачем мне нужна эта информация? Я же не шпион герцога Элдингского!

– Любое знание имеет цену. Если я не могу тебе заплатить, пока, то хотя бы, таким образом, смогу оплатить твои услуги. Поверь, иногда знание, что ест и пьёт, где хранит свои расписки, или куда водит свою любовницу богатый купец, может стоить гораздо больше, чем несколько корон!

– Какое неизбывное счастье ты мне предлагаешь! Уже бегу, надо пару мешков купить, чтобы монеты от золотого эквивалента твоих слухов собирать! – Сарказм был таким явным, а лицо Томас скривил такое, что даже Кирк улыбнулся. Но тут же нахмурился и понизил голос, хотя подслушивать их было некому.

– Это не шутки! Ты должен прямо сейчас отправиться к сир Яго, самым кратчайшим путём! Я нарисовал уже схему. Вот она. Твой конь несёт две сумки со всем необходимым. Оружие у тебя есть, доспехи не слишком хорошие, но вряд ли Родерик наймёт кого-то серьёзнее шайки Мура.

– Кто такой? Сколько их и каким оружием пользуются? Где могут сделать засаду?

– А говорил, что моя информация тебе не нужна. – В голосе Кирка тоже послышался сарказм и ехидство. Но его тут же сменил деловой тон. – Так вот, банда Мура может залегать только в одном месте. Эти дурни настолько обнаглели, что нападают на всех всегда недалеко от разрушенного замка, я пометил на карте. Видишь ли, они подкупают члена магистрата и возможно судью в Марл, потому на их проделки с простыми людьми смотрят сквозь пальцы.

– Почему же ты решил, что наймут именно эту банду? А не какого-нибудь голодного наёмника или солдата, возвращающегося с войны?

– Все, кто может держать оружие, и нанимаются на убийство никогда не нападут на сира Яго. Он фигура примечательная, и его смерть может многим нарушить планы. И тогда убийцу очень скоро ждёт смерть. Паритет. А Мур дурак и перекасти поле. Сегодня тут, завтра отправится в Доррей.

– Сколько их будет? И как Мур выглядит? Насколько они сплочённые?

– Мур самый высокий, и одноглазый, и ещё рыжий, хотя последнее не слишком примечательное в здешних краях, но в купе с двумя другими – сразу поймешь, кто есть кто. Еще любит носить шлем королевских гвардейцев – уж не знаю, где он раздобыл его, и зачем так злить власти. Остальные временные, вооружены кто чем, кого-то убивают, кто-то убегает с добычей, кого-то сам Мур для острастки убивает. Ведь если не будешь держать банду в страхе, она разбежится. Или главаря убьёт. Таковы суровые законы ганзы. Кроме братьев Бернай, тоже рослых, волосатых, всегда в килтах и с топорами. Они ему преданы, давно уже работают вместе. Остальных около девяти, а может и меньше, Мур постоянно меняет рядовых бандитов.

– А не дашь кого-либо в помощь? Или быть может, сам хочешь поразмять кости?

– Нет. Не могу. Никто не должен знать, что ты спас сира Яго. До определённого момента. Скажу, что ты отбыл в Нью-Марл, по некоему срочному делу. Дядя поверит, а чем сильнее

начнёт спешить кузен, тем лучше, быстрее проколется. Тогда даже... Впрочем, не стоит забегать вперёд.

– М-м-м, но ты хотел мне рассказать про некое преступление? Чего же передумал?

– Нет, не передумал. Просто если ты сможешь справиться с этой неотложной задачей, тогда я буду уверен, что для тебя распутать клубок, окутавший последние дни и смерть моего отца, станет проще.

Томас насупился, и не оттого, что ему не доверяют, а по причине довольно скорого и неотвратимого боя. Он не был трусом, но драться против девяти-десяти противников?! Даже пускай обычных придорожных грабителей. Но делать нечего, в любом случае, он может отправиться дальше, оставив этих странных людей одних с их непонятными тайнами и проблемами. Он встал, отряхнулся, и хотел было вернуться к коню, как Кирк его окрикнул.

– Сир Томас! И помните, я вас знаю, и если ваша поездка не увенчается успехом, не могу гарантировать дальнейшее сохранение вашего инкогнито.

Тварь, подлец, шантажист! Томас передёрнулся, и хотел было сказать несколько добрых слов в адрес всей родни Кирка, живой и мёртвой, но сдержался. Делать нечего, придётся отправляться на встречу с неизбежным противником. Они молча вернулись к коням, Кирк уселся на своего чёрного молодого жеребца, Томас влез в седло на спине Левкоя. Свита, три вооружённых человека барона, молча наблюдали за ними. Кивнув головой, Томас погнал своего иноходца вперёд, по дороге. Вернее он полагал, что должен был бы как можно скорее убраться отсюда, но Левкой не спешил, решив, что лёгкая походка вполне соответствует понуканию хозяина.

Так или иначе, но вскоре дорога повернулась на юг и пошла немного вниз, в сторону деревни. Поворот скрыл всадников, всё ещё стоящих на дороге. В деревне ему делать было нечего, конечно, будь у него деньги, то он попытался бы нанять лодку, чтобы убраться отсюда как можно быстрее. Но плыть сначала по течению быстрой Мильд в озеро, а потом на вёслах идти вдоль берега, чтобы добраться до реки, вытекающей из озера Лок-Мара, Муркелу... А куда коня деть? И хватит ли у него денег на хорошую лодку и припасы? В лучшем случае он сможет пройти за день весь путь до Нью-Марл. А что потом? Барон Хьюго убит или умер. Что его ждёт в городе?

Томас от злости ударил коня пятками сильнее, чем того требовали обстоятельства. Подбодренный таким необычным способом, Левкой заржал и понёсся с необычайной для него быстротой. Быстрее, чем обычная лошадь, особенно такая старая, Левкой проделал путь от перегиба дороги в сторону развилки дорог. Развилка трёх дорог, где сходилась тропка от замка Бренн, широкая дорога от деревни Пауэрдолл, и наезженный путь от рыбацких построек и небольшой пристани на берегу озера. Ходко шёл левкой, словно вспомнил свою былую молодость, промчался мимо развилки, и устремился, понукаемый хозяином, по дороге в деревню. Спустившись ниже, они влетели на относительно ровное место, давно уже облюбованное человеком. Сады, ограды, дома, расположились уже почти у самого тракта, который сворачивал к югу. Но всадник направил своего коня прямо в деревню, по несколько разбитой дороге.

Мимо проносились первые постройки деревни, люди шархались от громающего по грязной дороге коня, несшего грубо ругающегося всадника. Вот он выскочил на прилегающую к деревенской площади улицу, кое-где даже уложенную плохим булыжником. Старые подковы зацокали по камням, конь сбавил темп, а вскоре вообще перешёл на шаг. На площади стояло несколько палаток, где сонные жители, вяло перебирали какие-то товары на прилавках. Посредине площади стояла виселица, пока пустая, а почти рядом с ней колотили помост пара загорелых мужиков. Одинокий и уже охрипший зазывала уныло оглашал округу своим пропитым голосом.

– Удивительное представление! Только один день! Спешите видеть – дракон! Настоящий дракон!

Томас придержал коня и стал озираться по сторонам. В ближайшем проулке виднелись несколько тяжёлых фургонов, с которых сгружали какие-то тюки, клетки, связки цветных баулов. Он подумал, задержаться или не стоит. Подъехав к зазывале, от которого при приближении несло перегаром и чем-то неприятным. Какой-то химией. Зазывала умолк, опасливо поглядывая на всадника. Пускай и странно одетого, но по всему видно, что это рыцарь. С таким надо быть настороже. Кто знает, не паладин ли это, или не агент королевской службы? Зазывала скривил свою рожу в гримасе, которая им рассматривалась как благожелательная улыбка. Один глаз у него был чёрный, другой серый. Одежда была рваная и залатанная, со следами каких-то тёмных разводов.

– Сир желает поглядеть на представление? Только сегодня! И только вечером! Канатоходцы, жонглёры, шут, беглый шут из замка герцога Беррийского! И главное – настоящий дракон!

– Что за шут? Я знал Бимбо, шута герцога Эдварда, но он никуда вроде бы не сбегал. Комплекция не та, для его транспортировки понадобится один такой фургон. И ещё один – нагруженный едой!

Глазки зазывалы тревожно забегали, и он инстинктивно попятился от странного наездника.

– Ваша милость будет столь велика, что вы не станете раскрывать перед неискушённой публикой нашего маленького секрета? А мы можем позволить вам посетить представление совершенно бесплатно!

– Плевал я на ваше представление! Дракон где? И есть ли у вас факиры?

– Конечно, конечно! Наш театр имеет честь представить великого пожирателя огня Абу Рабида! Он бывший визирь великого Дастум-хана! Высокородный Абу Рабид был известным магом и знатоком тайных знаний у себя на родине! Но он был вынужден бежать из отчизны, после того, как принцесса...

– Плевать мне на твои враки! Где дракон, я тебя спрашиваю! И где пожиратель огня, он же факир!

– Сейчас, сейчас! Пройдёмте со мной! Видите, досточтимые жители деревни, даже высокогородный дворянин желает лично убедиться в нашем уникальном зверинце! Не пропустите, подарите своим детям щепотку радости! Ведь не каждый день увидишь такое незабываемое зрелище!

На площади постепенно стали кучковаться зеваки, в основном дети, подростки и женщины. Привлечённые фигурой незнакомого дворянина, с плащом чёрного цвета без эмблемы или герба, подарок барона, они уже стали переговариваться, рассуждая, что можно увидеть на этом представлении. Дети стали канючить у матерей, капризно скуля, желая посетить пожирателя огня и дракона. Подростки уже стали рассуждать, как будут ходить канатоходцы и есть ли у них тот номер, где женщина, абсолютно без всякой одежды исчезает под плащом мага.

Зазывала семенил перед Левкочем, постоянно оглядываясь и подобострастно улыбался. По мере приближения к остановившемуся табором театру в нос стал проникать неприятный запах. Это если бы в старом свинарнике пролили реторту с алхимическими инвазиями, а потом накидали бы горячей серы, дабы всё это как следует, прогорело. Угрюмые люди, в рваной одежде хмуро распаковывали свой багаж, поглядывая с опаской на всадника. Зазывала остановился у единственного спокойного человека, темноглазого и смуглого, и что-то шепнул ему на ухо. Тот улыбнулся, поклонился по восточному обычаю, приложив правую руку к груди, а вторую ко лбу.

– О, достопочтимый сир рыцарь! Что привело вас к униженному и гонимому самим Небом Абу Рабид ибн Фатта аль.... – Начал пафосно и с лёгким акцентом, сглаживая слова, южанин.

– Мне наплевать, как тебя зовут, к тому же, ты ни разу не саракин. Но так и быть, я буду тебя звать Визирь. Так вот Визирь, достань мне фиалу или даже две своей воспламеняющейся жидкости. Плачу золотом.

Томас достал приготовленную на всякий случай монету, простую золотую. Глаза у Абу Рабид и зазывалы заблестели не хуже настоящего факела. Остальные члены театра приостановили свою небыструю работу, вперившись глазами в монету в руках незнакомца.

– Кроме того, скажи, у вас в театре есть силач, или очень быстрый жонглёр? А быть может, ваш театр имеет красавицу из тех, кто своим видом отвлекает зрителей от быстрых действий мага, факира и шута?

– Кто-то хочет узреть мою красоту? – Раздался сзади насмешливый голос. Томас обернулся, не выпуская монеты из пальцев. Монета была та самая, поддельная, подарок сира Яго. Женщина, окликнувшая его, была молодая, но несколько большая для феи и театральной актрисы. Впрочем, какая разница, да хоть страшна, как старый леший, ему она нужна была не для того, чтобы детей заводил. Даже совсем наоборот.

– Получишь три таких же монеты, если поедешь со мной.

– С вами, сир? Ну, нет! Всякий заезжий молодец хочет вкусить плода запретного! Я же девушка скромная, наивная, вот все и стараются использовать меня втёмную!

Судя по сдержанным смешкам труппы, девица уже давно была им известна с многих сторон своей весьма примечательной особы. И глаза, наглые, зелёные, неотрывно взирали на него, словно гипнотизировали. Но Томас потому смог прожить так долго под чужой личиной, что умел разделять личное и необходимое для выполнения задания. К тому же только настоящий дурень решит разделить свой вечер с особой, которая в любой момент его может прирезать. Он знал, среди артистов есть такие, профессионалы, что под видом труппы Оанимаются самым настоящим разбоем и заказными убийствами. Так проще и безопаснее, никто из дураков шерифов и бейлифов не заподозрит разъезжающую по городам и весям труппу актёров в жестоких убийствах и ограблении богатых граждан. Девица покачиваясь, словно нарочно, дабы показать всю свою истинную женственность, подошла и положила руку на спину Левкоя.

Томас не успел ей крикнуть, чтобы она убрала её, как Левкой с мерзким низким ржанием попытался укусить незваную гостью. Та оказалась проворнее старого коняги, успела отскочить, когда тот раззявив свою пасть, попытался укусить её за руку, но была явно напугана.

– О, высокородный сир, ваш конь по праву может считаться боевым! Никогда я не видел такой злобы у простых меринов! – Абу Рабид либо так тонко издевался, или действительно был поражён поведением старого коня. Кто их знает, мимов, актёров, воров. Всю свою жизнь они учатся изображать других, подделывать свои личины.

– Тихо, тихо, мальчик. – Томас похлопал по шее фыркающего от ярости коня.

– Говорят конь под стать своему хозяину. Хотела бы поглядеть на ту кобылку, что привлечёт внимание этого свирепого воина. – Женщина уже оправилась от потрясения и нахально обратилась к всаднику.

– Кобылка должна знать, что дело есть дело, а игра есть игра. Так ты согласна, или мне искать среди местных дурёх желающих получить за пару часов три золотых?

– Меня зовут Шона. И я ещё никогда не отказывалась от ангелов!

– Я приготовлю вам необходимый вам состав в течение пяти минут! – Абу Рабид поднял руки и снова поклонился, после чего скрылся в темноте повозок. Остальные артисты постепенно вернулись к своим делам, правда, не переставали обращать на всадника своих любопытных взоров.

Томас не проронил ни единого слова, как литой сидел на коне. Он размышлял. Отлично, первая часть плана готова. Теперь предстоит выполнить следующую часть. И в промежутке найти три золотых.

Глава четвёртая

– Золото! Я правду вам говорю, сир! Там много золота! Не убивайте меня! Прямо под тем гротом! Я вам ещё пригожусь! Я буду бесплатно работать! Буду рыть, носить, до самого замка нести на себе сундук буду! На себе всё, что Гранд накопил за годы!

Он рыдал, сжавшись в комок, с промокшими грязными штанами, с порезом на руке. Весь его вид внушал отвращение и жалость. Единственный выживший, его можно было бы отдать шерифу в городе. И получить пару монет. Преступника бы повесили на следующее утро. А ему бы пришлось срочно убираться из этих мест. Никто не любит пришлых, особенно таких, что уничтожает местную легенду. Пускай даже легенда всего лишь кучка разномастной бандитской швали, грабившей и убивавшей путников. Он только хотел было отпустить ничтожество, как спасённый подбежал и с рыком ударил бандита по голове подобранной палицей. Кровь брызнула во все стороны, конь заржал и шарахнулся. С гневом сир Томас обратился к недавно спасённому горожанину.

– Всё же может быть не стоило бы так поступать, сир! Может, его можно было бы использовать, а потом и отдать судье?

– Нет. Вы пришлый, не знаете нашего чудного края. Для всех, даже для самого убитого было бы лучше именно такое развитие событий. Золота же там не так уж и много может быть. Сами подумайте, сир, ну, сколько и кого они могли тут нагрabить? Да больше половины они пропивали и тратили на девок! Это же дикари!

С брезгливостью дворянин отбросил окровавленную палицу и вытер руку, забрызганную кровью, листьями молодой берёзы. Уставший Томас сидел и молчал, угрюмо оглядывая мёртвых. Не так он всё планировал, совсем не так. И вообще до чего он дошёл! Сын великого воина, Генриха Себастьяна, отмеченного наградой старого короля, доброго Эддарда, дошёл до охоты на разбойников. К тому же и не тех, что ему следовало бы убить.

– Сиры, а вы не желаете попробовать их питье? Отменное топливо! – За спиной раздался голос весьма довольной всем Шоны. Томас скривился, и вздохнул. План был без сомнения хорош, но вот его воплощение оказалось весьма, скажем так, неприглядным.

– И всё же, позвольте представиться, мой добрый сир рыцарь! Меня зовут Эдмунд Колхаун, я дворянин, как вы можете догадаться по моей одежде и владению мечом. А как вас зовут и вашу прекрасную спутницу?

– Шоно. Я артистка бродячего театра. Мы тут с выступлениями в этот милый край забрели. А сир Томас меня нанял, правда я так не поняла, до конца, с какой целью. Сир Томас, зачем вы всё-таки наняли меня, а?

Шона рассмеялась, будто бы простая деревенская девица на лугу, встретившая пригожего парня. И руки уже успела отмыть, приметил Томас. Не испугалась нападения, не испугалась и крови. И успела убить того детину прежде, чем тот пустил слюну при виде её нагого тела. Артистка явно имела признаки наёмной убийцы, убить волосатого чудовищного мужика одним точным ударом тонкого стилета, а дабы его ошеломить, скинуть своё одеяние одним мимолётным движением опытной руки. Сир Эдмунд рылся в карманах и мешках у трупов. Томас вздохнул и слез с лениво поедающего траву возле недавно убитого пленного Левкоя. Надо же чем-то расплатиться с Шоной!

Они быстро осмотрели трупы, а затем совместными усилиями отволокли их к краю дороги. Шоно рылась в сумках убитых, предоставив мужчинам таскать мертвецов. Затем сир Эдмунд взял расщеплённый щит с облезлым гербом, принадлежавший одному из неудачных разбойников, и написал углём.

Это есть преступники и разбойники,

*что донимали сей бедный край.
Проезжай путник, не бойся.
Оставь тела без погребения!*

Рядом поставил какой-то странный знак, вроде летящей цапли, а может герб свой, просто уголь крошился в руке, и вышла загогулина странного типа.

– О, сир просто художник! Но я бы ничего не писала, а просто свалила бы их в овраг! Пускай волчки вдосталь наедятся! Да и шериф Фингайн ещё тот зануда! Мне деревенские уже сообщили, когда мы только прибыли. Он даже театрам больше двух представлений в одном поселении не разрешает давать! А этих вон и не собирался ловить! Тьфу!

Она сплюнула на землю, и закачала головой, словно в состоянии сильнейшего возмущения. Сир Эдмунд засмеялся, легко и задорно, хотя ещё недавно таскал трупы разбойников. Которых и превратил в трупы, отчасти. Томас вздохнул, хорошо, что они напали на бандитов сейчас, когда сир Яго ещё не отправился из замка Бренн. Всё же он решил задержаться, в самый последний момент, чего никак не мог предусмотреть мрачный Кирк. Незаметный Айдл остался для каких-то тёмных делишек с бароном Иеном Кармайклом. А вот где мог залечь Мур с его парнями – вопрос. Сдавшийся разбойник лепетал, что Мура давно никто не видел, что он видимо, взял хороший куш и временно отлёживается где-то на юге. И зачем надо было убивать этого дурня?!

Отчасти он понимал, решение сира Эдмунда было верным, но что-то ему не нравился этот сухопарый мужчина с седеющими волосами и злыми глазами. Он где-то его определённо видел, определённо знал, возможно, на войне, а может быть и после бегства. В любом случае остаться один на один с этим человеком он бы не рискнул. А он оставался на ночлег и в воровских притонах, и поле, спрятавшись под кустом, в дешёвых борделях и на сеновале в деревнях, и даже как-то заночевал в хижине людоеда, которого как, оказалось, задрал медведь совсем рядом с хижинкой. Но вот сир Эдмунд выглядел не так внушительно, как уложенный им с одного удара волосатый, зато был явно сильнее и проворнее более молодых бандитов. И что он в голове своей держал, никто не знает.

– Сир, вы бы поспешили, ведь если разбойник не врал, дракон спит ночью, а охотиться летает на горный хребет, не знаю уж, как его зовут. Мне говорили, но я что-то упустила. Как услышала про дракона, так сразу и обомлела!

– А зачем тогда отправилась? Готовилась бы к представлению. Ты ещё успеть можешь, а мы уж как-нибудь одолеем крылатого ящера. – Томас был не в духе, но поведение артистки его тоже немного озадачивало. Та фыркнула и нагло глядя своими зелёными демонскими глазёнками сладким голосом пропела.

Кто не видел дракона след,
Тот не знает силу свою и храбрости предел,
Пойди по тропе, что вьётся в траве, по следу крови,
По следу дракона.

– Иль де Буэ. И причём тут давно сгнивший миннезингер? Я даже видел его, как-то. Один раз всего, сопливым мальчишкой был, в свите посла графа Йордана, прибывшего в Карлофранию. Он уже тогда был седым и дряхлым, хотя пел отменно.

– Вы были в свите старого графа Йордана, владыки Первайн? Тогда мы определённо должны были встретиться! Я был в посольстве во времена великого короля этих жалких трусов, Карла VI, и обязательно должен был бы вас там встретить! – Влез в разговор сир Эдмунд. Томас прикусил язык. Вот что бывает, когда забываешь, кто ты и за кого выдаёшь себя.

Кто знает, как бы пошло дальше их разговор, но с дороги послышался стук копыт. Кто-то приближался, одинокий всадник. Неспешно, и что-то напевая. Видимо был пьян, либо в очень весёлом расположении духа. Сир Эдмунд взял в руки копьё, выроненное одним из разбойни-

ков, а быстроногая Шона схватила короткий широкий меч. Значит, вперёд выдвигаться мне, мрачно решил Томас. Он подогнал своего Левкоя и остановился на дороге, недалеко от кучи трупов.

Всадник появился спустя несколько мгновений, выехав из-под веток широкого раскидистого дуба, с которого какие-то полчаса назад посыпались разбойники в своём последнем в жизни нападении на сира Эдмунда. Всадником оказался никто иной, как сир Яго Айдл. Томас почувствовал облегчение, и поспешил навстречу неожиданно оборвавшей свою песню дворянину. Он хотя и был навеселе, о чём свидетельствовал нос и красный цвет лица, сразу заметил мертвецов, надпись и двух замерших с оружием пешеходов. Ну и двигающегося ему навстречу сира Томаса он не мог не заметить. Быстро придя в себя, Айдл нахмурился и довольно грозно спросил, немного громче, чем требовалось. Возможно, он не один, мелькнуло в голове у Томаса, слишком странно поведение.

– Сир Томас, что это значит?! Кто этот человек и та девушка?! И откуда тут свежие трупы?! И кровь у вас на сапоге!

– Успокойтесь, не бойтесь сир Яго. Всё в порядке, этот человек едва спасся от нападения бандитов. Я оказался как раз вовремя, иначе и он бы погиб, и я бы не сумел уйти от такой оравы. Возможно, они поджидали именно вас, сир. Очень много подозрительных совпадений, указывающих на то, что вы могли быть их мишенью.

– Меня?! За что?! Кому сделал за свою жизнь подлость, кому навредил?! – Сир Яго от удивления открыл рот, и вытаращил глаза. Так долго заниматься тайными делами с деньгами, и удивляться, что тебя могут ограбить? Станный он человек, подумал Томас. Но вслух ответил как можно мягче.

– А вы забыли, что произошло за столом? Не помните вот эту вот вещицу? – Томас вперил глаза в Айдла, показывая монету, полученную от него же, и тот сразу сник. Рядом раздался удивлённый голос Шоны.

– Сир, а почему вы мне не дали эту монету? И Эбби, то есть Абу Рабид получил от вас обычную, потёртую монету? Ваша новенькая, сверкающая! Подарите сир!

Нахальная девица! Томас едва сдержался, чтобы не выругаться. Однако дела обстояли просто отвратительным образом – они узнали, где эти разбойники, под командованием Гранда, кстати, убили они его или нет в бою, держат свои сокровища. А ему необходимо сопровождать Айдла в его поместье. Если он отправится с ним, то высока вероятность, что эти двое загребут в свои руки всё, что там будет. Если же он позволит отправиться сир Яго одному, кто знает, не падёт ли он руки подлого убийцы? А из этого последуют многочисленные варианты его дальнейшей судьбы, и ни один из них не подходит. Разницу между смертью на эшафоте, от руки палача, как государственного преступника, и смертью на виселице, как вор, очень сложно найти, если ты желаешь немного пожить.

Решение оказалось найти очень просто. Нашла её нахалка из театра. Она внимательно осмотрела немного ошарашенного сира Яго и обратилась к Томасу, не сводя глаз с нового участника.

– Сир, а быть может, достославный сир, несомненно, вам знакомый, поможет нам, чем увеличит своё благосостояние, и мы быстрее вернёмся к своим обычным делам. Пока не прошли по тракту патрульные. Горожане или купцы ещё читать этот щит будут, подумают, спросят, посмотрят на рожи мертвецов, а эти мужланы поймают, ограбят и повесят всех, кого посчитают виновными в смертоубийствах!

– Согласен с юной девой, сир Томас. – Сзади подал голос сир Эдмунд. Что же, либо сир Яго согласится добровольно, либо его придётся тащить силком. Томас подъехал к замершему дворянину и быстро переговорил с ним. Двое оставшихся позади сообщников в деле поиска сокровищ разбойничьей шайки не могли слышать, о чём они шепчутся, однако видели, что вид

у новоприбывшего сира по мере дальнейшего развития диалога становился всё более напуганным. Наконец, сир Яго махнул рукой.

– Я согласен, сир Томас! Исключительно из-за вас и вашей репутации! Надеюсь, мне не придётся лично ковыряться в земле, ворочать камни?

– О, нет! Эта работа падёт на плечи исключительно этой молодой особы! – Последнюю фразу сир Томас произнёс достаточно громко, дабы стоявшие сзади тоже слышали его слова. Когда они вернулись к сире Эдмунду и Шона, лицо последней ничем не выражало гнева или растерянности. Опытная девка, такая на всё способна. Но коня у неё нет, осёл удрал при первых звуках драки, значит, никуда она не убежит, если хочет остаться живой. Места тут глухие, хотя и всего пара лиг от деревни. А если и убежит, теперь она не нужна, и судьба артистки его не волновала.

Он обратился к собравшейся троице, вспоминая, как когда-то говорил перед гораздо более многочисленной кампанией, составленной из суровых воинов простого происхождения, и высокородных рыцарей.

– Вы глубокоуважаемые сир и ты, дева Шона, нам предстоит пройти по опасному пути. А котором нам могут встретиться недобитые преступники. Но нас стало больше, надеюсь, сир Яго сможет защитить если не девицу, то хотя бы наш скудный скарб!

Сир Яго никак не проявил своего отношения к новому заданию, ибо был он очень встревожен и без того. Постоянно оглядывался, косился на трупы, прислушивался и поглядывал, с некоторой опаской, на Шону. Шона тоже молчала, внимая словам самопровозглашённого вождя отряда. Сир Эдмунд ехидно улыбался, поглядывая на остальных участников похода.

– Мы с сиром Эдмундом станем ударной силой отряда. По прибытию на место, сир Эдмунд станет нашим защитником, вместе с сиром Яго. Мы с девицей Шона станем искать сокрытые преступниками сокровища. И я очень надеюсь, что они покроют наши возможные убытки!

– Судя по тому, что скулил последний из нападавших, стоит рассчитывать, как минимум на сотню монет, сокрытых в развалинах. – Спокойно добавил сир Эдмунд Колхаун.

– В развалинах? В каких развалинах, уж, не в гроте ли Драконобойца нам искать предстоит некие чужие клады?! – Айдл несколько нервно переспросил. Томас удивлённо посмотрел на него. Некоторое апеллирование на то, что клад может быть чужим, из уст подпольного дельца было странно слышать. Или Кирк ему что-то не договорил?

– Вам известно сир Яго наверняка больше, чем нам, эта местность. Наверняка вы знаете и местные легенды, связанные с этим строением. Это правда, что некогда там жил суровый владыка этих мест, как в том пытался нас уверить преступник?

– Конечно, знаю местные легенды о развалинах крепости Блефлэйм! Это знает каждый мальчишка, старше шести лет, кто живёт тут, не зависимо, родился он в хижине лесоруба или в фамильной усадьбе!

– Тогда сир может нам поведать об этой легенде, до того, как мы пустимся в новое приключение?

– Девица права, я тоже желаю знать, что нас ждёт. Тут я проездом, и хотя от лишней монеты не вижу смысла отказываться, рисковать своей жизнью считаю глупостью. Откуда такое название взялось, Драконобоец, и не связано ли название крепости с неким Данарбертом Блефлэйм, сказочным повелителем, правившим этими краями незадолго до обретения мощей святого Дюранта? У него был не самый счастливый конец, насколько я помню сказки своей кормилицы.

– Конечно, не был счастливым! Какое это счастье, быть проклятым злым волшебником! А дракон тут и правда водился, в замке Чёрных Бренн ещё есть череп и шкура последнего, убитого почти сто лет назад, неким Альбертом из Брейи. Кстати, это не ваш родич, сир Томас?

– Э-э-э, нет, дальний, весьма дальний, я его не знал, только слышал пару историй. Даже не представляю, как он выглядел. – Томас был застигнут врасплох вопросом Айдла. Он что-то слышал про некоего героя из легенд, уроженца Брейи, откуда родом была его мать, победителя дракона, но его судьба была несколько печальной. Героя повесили, когда он отказался взять в жёны дочь местного барона, опозоренную её любовником-охотником. Вместе с охотником на одной верёвке. Его дядя Джером всегда, когда вспоминал, говорил, а было это нечасто, только когда он напивался, что история об Альберте из Брейи лишнее доказательство того, что власть часто находится в руках дурачков и висельников. Дальнейшего развития обычно его речь не получала, прерванная окриком отца. Столкнуться здесь, в далёкой незнакомой земле с легендой, которая может быть связана с его домом – было очень неприятно. Сир Эдмунд усмехнулся, глядя в лицо Томасу. Он что-то знает про меня, с испугом подумал Томас. Тоже знает эту историю, возможно, знает, кто теперь является потомком героя. Шона перебила его нерадостные размышления.

– О, сир Томас! Да вы потомок героя! Значит, мы обязательно должны отправиться в поход! Как герои пьесы Алье де Ла Фан, В поиске покинутого дома! Если сиры желают, я могу исполнить перед вами партию Фрингильи!

– Не желают! – В голос сказали все трое. Шона пожала плечами, но не обиделась. Она вообще сильно отличалась от большинства девиц, независимо от их происхождения, известных Томасу. Если бы не сложившиеся обстоятельства, то он бы не стал топтаться на месте....

– Так вот, если не обращать внимания на обычные для таких рассказов витиеватости, суть состоит в том, что некий очень могущественный лорд, или даже князь, если говорить современным языком, неизвестно откуда явившийся, захватил власть над всем Озёрным краем, убив в схватке прежнего владельца и двух его сыновей. Других представителей мужского рода у Кеннаха Ап-Куирна не было, так звали прежнего владельца Озёрного края. Советую вам запомнить его имя, оно нам ещё встретится, в самом неожиданном месте рассказа. Взяв в жёны дочь Кеннаха Ап-Куирна, Данарбертом Блефлэйм, или тогда ещё Анарберт из Свернафьорда, стал управлять краем, по своему усмотрению. Был он одним из немногих выживших соратников первого захватчика из-за моря, Умбры Канавы, разбитого королём Сельгом под Фритатейн. За поражение Умбры через три года морские разбойники прошли опустошительным смерчем по всему западному побережью. Но в край Данарберта не сунулись. Вернее сунулись, но в тот же день, когда он принял посланником мелкого ярла Фридериксона, убралась прочь, не взяв даже больной овцы, не схватив даже одной старой девы. Никаких сведений, чего и как объяснял им бывший родич, нигде не сообщается. Однако, даже в последующие года Морского смерча, как прозвали времена катастрофического нападения и последующей оккупации нашей страны северянами, никто не пересекал границы Озёрного края. Тут даже армии почти не было. Так несколько сотен воинов, больше применимых для поисках овцекрадов и отцеубийц, чем для охраны границ. Все полагали, что Данарберт Блефлэйм маг или того хуже. Его первая жена умерла, спустя двадцать три года их супружества, не оставив детей. Он взял вторую жену, племянницу первой, младшей своей тётки на тридцать лет. Почти ребёнка. И прожил с ней тринадцать лет. И тоже без детей. Уже сменилось два поколения его подданных, а он внешне не менялся, и силы не покидали старого и сурового повелителя. Стали ходить всякие слухи, но рассказчики старались говорить не очень громко, потому как было замечено, кто говорит про своего господина слишком громко, пропадает навсегда. Потом на склонах Хребта Козла находили их обглоданные кости. Обожжённые! Так и появилась легенда о короле-драконе!

– Стойте, стойте, милейший сир Яго! Мне известна эта история с несколько другого ракурса! – Запротестовал сир Эдмунд. Томас готов был поклясться, что ему история про сказочного лорда Данарберта была известна тоже с некоторым отличием. Лорд не был северяни-

ном, а явился из вод озера Лок-Мара. О чём и сообщил сир Эдмунд, не заставив себя ждать и гадать, что он хотел донести до остальных.

– Ведь Данарберт Блефлэйм явился из вод озера Лок-Мара! Легенда в этом ключе известна не только мне, она имеет и вполне реальную, записанную версию! Я читал Сказания и легенды горных жителей, за авторством Анинамара, и версия моей нянюшки не слишком отличается от версии сказочника и историка! Но ваша версия просто противоречит дальнейшему повествованию Анинамара!

– А вот мне эта версия больше по душе! – Шона не преминула влезть в спор двух взрослых мужчин, и более того, дворян. Странная она какая-то циркачка, не испытывает никакого благоговения перед гербами. И не в театре тут дело, Томас готов был поклясться, что это в крови, такое поведение. Она слишком горда и своевольна для простой девицы. Слишком.

– И чем же она вам больше по душе, дитя! – Саркастически спросил сир Яго. Он был как-никак старше всех присутствующих, во всяком случае, точно старше Шоны. Кроме того, он явно был недоволен, что его прервали, и даже поддержку встретил, ощетинившись, как ёж.

– А тем, что в версии, известной вам больше истины. Что, не захватывали в одиночку либо горсткой людей северяне гораздо более зажиточные и заселённые значительно сильнее местности? Что, не бывало такого, что северяне, встав на сторону новой родины, выступали против своих родичей? Или не бывало такого, что убив прежнего владыку, они брали его жён и детей себе? И если быть жёнами свирепых дикарей ещё ничего, а то могли простыми наложницами сделать!

– У вас я смотрю здравый взгляд на мир, дитя. Даже не верится, что вы в свои годы так много успели повидать. – Сир Яго уже более благодушно посмотрел на Шону. Та ответила ему нахальным взглядом зелёных глаз. Томас кашлянул, дабы все обратили внимание на него.

– Прошу прощения у всех, но судя по топоту, доносящемуся со стороны леса, нам лучше убраться как можно скорее. Скачет несколько коней, прислушайтесь! Готовы вы вступить в бой со стражей? Или новыми бандитами?

Члены новоявленного братства переглянулись и молча стали поспешно готовиться к отбытию. Вернее, схватив всё, что могли ухватить, кто имел лошадь, залез на лошадь. Сир Яго галантно позволил Шоне залезть на его лошадь. Томас стукнул сапогами по бокам старого Левкоя и тот тяжеловато потрусил под защиту густых еловых веток. Остальные последовали за ним, оставляя после себя поле боя, во всём его великолепии и ужасе. И они успели убраться в самый последний момент. Первым показался всадник в простых латах, с гербом, в виде чёрного дракона.

– Ого! Люди владыки замка-острова Ламер, лорда Амори Хельгарте! – Прокомментировал, стоявший возле Томаса сир Яго, скрытый надёжно ветвями. Томас покосился на него, но промолчал.

Следом выехали ещё несколько всадников, точное количество посчитать было трудно, поскольку из-за опасения быть выданным ржанием, Томас наблюдал за ними с небольшого холма, поросшего ёлками и чахлыми сосёнками, задавленными наглым ельником. Деревья перекрывали часть обзора, но приблизиться он не рисковал. Судя по гневным окрикам, ругани и шуму, который мог означать только то, что несколько всадников спешили, люди лорда Амори нашли бывших бандитов.

– Боюсь, сир, что ваша надежда на надпись, была ошибочной. Если не сказать губительной. Надо было сбросить тела в овраг, как я предлагала. Шона, спешенная сиром Яго, оказалась рядом, опасно выглядывая из леса. Её одежда, типичного крикливого типа, возможно слишком заметная, грозила укрывшимся разоблачением, и последующей быстрой смертью. Сир Эдмунд думал так же, как и Томас, только по всему привык действовать, а не рассуждать. Он закрыл девице рот и рывком свалил её на землю, прижав своим телом. И вовремя, всадники, словно что-то почуяв, стали осматривать поросший лесом холм. Два пешеходных воина выставив вперёд мечи, пошли вперёд. Но вдруг один из них с воплем запрыгал на месте.

– Старая привычка, ещё со времён Первой Войны! – С некоторой гордостью произнёс сир Яго. Что он имел в виду вскоре стало понятно. Ругаясь, воин поплёлся, сильно хромая, назад, по его ноге струилась кровь.

– Ничего необычного, просто шипы старой горной розы. Я обучился этому в горах Трас-таманы, от местных союзников нашего славного короля. Больше они сюда не сунуться, если только в доспехах.

Однако всадники, скучившись возле раненого, не выказывали никакого желания соваться в странные заросли. Вскоре, обследовав группы, и зачем-то срубив копьё, на котором висел щит, они убралась прочь.

– Я советую всем нам как можно быстрее добраться до обозначенной крепости. Никто не знает, что на уме у старого хрыча Амори! Некоторые люди, и в первую очередь он сам, считают владельца острова-крепости потомком самого Данарберта Блефлэйм!

Словно в подтверждение этих слов в относительно чистом небе громынуло.

– Кажется, дождь начинается, – задумчиво сказала Шона, разглядывая низкие облака.

– Тем более нам надо добраться до замка до того, как пойдёт ливень! Это единственное укрытие в здешних местах, если не считать деревни! Тут недалеко есть заброшенная дорога к замку! Следуйте за мной!

Сир Яго выехал из-под защиты деревьев и погнал своего коня по зарослям малины в сторону оврага. Томас посадил Шону к себе, стараясь избегать ухмылки сира Эдмунда. Томас с Шоной последовали за сиром Яго. Колхаун замыкал отряд. Горячее дыхание Шоны обжигало шею. От неё пахло травами, свежесмытой головой и почти забытым запахом женщины. Как бы невзначай, она ухватила своими, как оказалось, крепкими руками его за талию, всколыхнув ненужное волнение внутри. Томас вцепился в поводья, стиснул до боли зубы, и погнал Левкою вслед удаляющейся спине Айдла, стараясь не замечать весьма явных поползновений спутницы. В небе громынуло ещё раз, затем ещё, и капли, большие и холодные, неожиданно заполнили весь окружающий мир, словно кто-то наверху пролил кадку с водой.

Глава пятая

– Ну, пока идёт дождь, может быть, вы расскажете свою версию рассказа о бывшем владельце этих жалких камней?

Сир Эдмунд удобно устроился, закрыв бандитскими пожитками дыры над собой и Шоной. Сир Яго осмотрелся, выбирая, где бы ему усесться, согласно его представлению о приличиях.

Томас завёл лошадей в помещение, бывшее некогда кухней, судя по очагу, хотя бандиты тут устроили склад ненужного хлама. Однако, тут ничего не капало сверху, не дуло, и лошади чувствовали себя немногим менее удобно, чем в добротной конюшне. Сир Яго немного копошился, пытаясь развести огонь, но дрова, что разбойники предусмотрительно притащили, хотя и были сухими, разгораться не собирались. Плюнув, он ел рядом с девицей, поскольку там было сухо, хотя и на кучу странного вида хлама, вроде обломков какой-то телеги. Томасу пришлось довольствоваться перевёрнутым котлом, закрыв над собой пространство старой попоной, валявшейся в импровизированной конюшне. Дождавшись, когда все усядутся, сир Яго продолжил рассказ, прерванный в самом неподходящем месте.

– Времена сменились, а повелитель Озёрного Края не усыхал, не слабел, и не собирался на покой. Среди подросших детей его бывших сподвижников, или вернее тех, кому было милостиво разрешено оставаться такими же мелкими местными помещиками, как и до вторжения неизвестного повелителя, созрел заговор. Их было семеро, смелых или глупых, сильных или ещё не знавших поражения, и жадных. До денег, до власти, до свободы. Нельзя сказать, что до этого момента не было никого, кто не желал бы избавить сей край от деспота, дабы не дать им умереть без заботы и суровой руки настоящего хозяина. Только вот прежние претенденты заканчивали свою жизнь весьма скверным образом. Кого свежевали, прямо перед вот этим замком. Кого отводили на болота, названные так же, в честь Данарберта Блефлэйм, где привязав к большому замшелому пню, оставляли жертву на сутки. Вернувшись, на следующий день, слуги забирали бескровное тело.

– Это были вампиры? Или баньши? – Полюбопытствовала Шона. Она довольно вольно облокотилась об руку, конечно же, сира Эдмунда. Впрочем, тот нисколько не возражал, и даже напротив, положил свою руку на её плечо. Томас отчего-то разозлился на обоих, хотя никаких причин ревновать у него не было. Слишком он давно бродил один, вот и вся причина, решил он.

– О, нет, всё гораздо прозаичнее и страшнее. Комары, гнус, и прочие мелкие твари, жители болот несколько часов медленно убивали жертву, лишая её крови намного медленнее, чем это сделал бы вампир. Одним словом, владелец этих развалин правил сурово, не допуская никаких поползновений в сторону своего трона.

– А почему он построил этот замок тут, в не самом людном месте? Да и никаких признаков существовавшего поселения рядом не наблюдается. Он что, гонцами отправлял свои послания подданным и служащим его двора? – Томас поспешил ставить пару не значащих вопросов, дабы проверить кое-какие догадки. Незачем пугать их раньше времени, твёрдо решил самозванный посланец герцога Элдингского.

– Тут ходит много легенд, почему именно тут, не так далеко от болот, названных, как я уже говорил в честь Блефлэйм. Раньше-то эти болота назывались просто Гиблыми. И кстати, никто не ведаёт, как и когда он построил сей чудный замок. Вроде бы, согласно другой легенде, тут и раньше были развалины некоего строения из такой стародавней истории, что никто не ведаёт, когда их построили. А он просто надстроил, слегка увеличил этажность, да стену возвёл. Кстати, она-то первая рухнула. Видите, только кое-где кучи камней, вот и всё, что осталось от замковой стены. Таким образом, неважно как, Данарберт Блефлэйм правил довольно

долго. Можете верить, а можете и нет, но согласно вполне серьёзным источникам, например, договорам с бывшим герцогом Мурроу, правил он почти семьдесят лет. Теперь бывшее герцогство Мурроу входит в состав владений герцога Анхельма, как графство Муршир, и его архивы есть в распоряжении семьи герцога Анхельма, владыки Гербрайт, рода Сверрен.

– Верно, верно. Анхельм как-то проговорился на приёме у герцога Пенброука, что у него есть такие странные и старые книги, доставшиеся после раздела владений бунтаря Роланда, последнего из рода Мурроу, которых нет и в столице! Свитки, и даже окаменевшие от времени свиные кожи, покрытые ещё старым письмом, до Нашествия! Им почти тысяча лет!

Все посмотрели на сира Эдмунда. Он никак не показал своего отношения к затянувшейся паузе, но Томас готов был поклясться дланью святой Анариетты, что глаза у сира Эдмунда слегка расширились и даже дёрнулась щека. Проговорился, значит, ты не такой уж и мелкий дворянин, господин Колхаун! На приёме у незаконнорожденного сына старого короля, носящего теперь титул герцога Пенброука, разговаривать с самим спесивым Анхельмом Сверрен мог только немногим ниже его по титулу. Граф? Лорд? В любом случае, он по какой-то причине тайно прибыл сюда. Новый заговор? Или поиски нового заговора? Надо быть осторожным с этим, Эдмунд Колхауном, решил Томас.

– Одним словом, он опротивел своим подданным. Возможно, смуту вносили люди этого самого герцогства Мурроу, поскольку владыки Мурбьорга вполне резонно полагали, что так много земли в руках бездетного старика это слишком несправедливо. Могли тут работать и люди, связанные с Орденом Черного Креста. У Ордена были явные и весьма недвусмысленные попытки не только лишить Блефлэйм власти, но и лишить его самой жизни, полагая его колдуном и исчадием ада. История всё расставила на свои места, каким бы не был Данарберт Блефлэйм, но Орден показал себя во всём отвратительном истинном виде, результатом самой жизни. За что и поплатились рыцари. Надеюсь, вы знаете, что случилось с Орденом спустя какие-то тридцать лет?

– Да, все конечно знают про продавшего силам зла магистре Георгии, получавшем деньги от демонов за проданные души, и его племяннике, предавшемся греху содомии и скотоложству, оклеветавшего саму Святую Церковь! – Несколько гневно сказал сир Эдмунд. Шона молча кивнула головой. Томас смотрел на просвет в бывшем окне, где дождь постепенно слабел. За стенами развалины смеркалось, и отчего-то в голове Томаса возникла мысль, что отсюда надо убраться ещё до того, как наступит ночь. Но как это преподнести остальным, чтобы они приняли его сторону?!

– У того дела есть разные точки зрения. Кто-то полагает, это только происки завистников их власти, и в первую очередь, их несметных богатств. Ведь всё имущество ордена было изъято по особому королевскому эдикту, и если церковники ещё получили часть строений в столице и в провинции, всё золото пошло короне. А было там много золота, двадцать годовых бюджетов страны! – Сир Яго мягко попытался опровергнуть слова сира Эдмунда, но увидев его глаза, тут же сменил тему. – Однако, мы не о вопросах веры и королевской власти тут рассуждаем, а пытаемся найти крупницу истины в той запутанной истории, что окружает бывшего владельца этих развалин бывшего замка. Или не пытаемся найти?

Он замолчал и оглядел своих спутников, а Томас, в какой раз уже за эти два дня спросил сам себя, кто его дёрнул пойти именно этим путём? Зачем он пришёл в этот странный Озёрный край? Чего ему ждать в этом краю старых историй, кроме вот таких вот странных встреч? Он решил, что если его доля богатств будет достаточно большой, то он отправится на юг, и через болота Муиннар переберётся на территорию северного графства Беркшир. А Кирк пускай решает свои проблемы сам, как и сир Яго. Он тут чужой, и чем дольше будет тут находиться, тем выше опасность его разоблачения. И последующие затем быстрый суд и казнь в тот же день. Он нервно потёр шею.

– Вернёмся к Данарберту Блефлэйм. Он понимал, его рано или поздно убьют. Так, по крайней мере, утверждает историк Кэннан Фицпатрик, а он специалист по делам тех лет. Местный уроженец, кстати, из Блесса. Так вот, по словам, вернее согласно книге досточтимого Фицпатрика, посвящённой пяти легендам нашего государства, названной так, «О легендах и личностях, их породивших», в том числе и владыке Блефлэйм, он готовился к своему весьма громкому уходу из жизни. Если бы не дождь, мы могли бы пройти немного и полюбоваться на остатки подвала, куда по его приказу начали свозить серу, мелкую пыль древесного угля, и куски калиевой селитры. У нас тут есть месторождение, небольшое, собственность короны. Почти тринадцать возов селитры и два воза угольной пыли складировали под его неусыпным взглядом слуги. Селитру он стал готовить сам.

– Ух ты! Да он тут наверное хотел устроить настоящий фейерверк! – Подала голос Шона. Томас уже понял свою ошибку, поскольку намного проще было бы нанять за эти деньги двух разбитых девиц из местных, и те не стали бы так раздражать. И не стали бы липнуть к старому, относительно Томаса, сир Эдмунду. Кроме того её неожиданные знания во многих вещах наталкивали на нехорошую мысль, а не работает ли эта бойкая дама на корону? Или сама в бегах от палача? Знать причину, которая заставила весьма неглупую особу стать артисткой передвижного театра, этого сборища воров, насильников, шлюх и пьяниц, тупиц и просто уродов, Томасу не хотелось. Вернее он всячески отгонял от себя все возможные варианты, которые лезли во все дыры его сознания.

– Нет, милая дева, он желал устроить тут взрыв, наподобие взрыва, который устроили люди графа Бленнарда возле крепостицы Фамелье в Берри. Но вот незадача, судя по стенам, они или выстроены были богами, или что-то не то он со смесью сотворил. Как алхимик Алгимакус, присоветовавший герцогу Ангулем такой способ поднятия настроения в рядах их войска, что половина воинов так и продолжала сидеть на корточках в кустах, когда бравые парни графа Кортнея ударили неожиданно в спину герцогскому корпусу!

– Не Алгимакус заставил их сидеть в кустах, а кровавая пена, заразное заболевание, принесённое наёмниками всё того же графа Элдера Кортнея из-за южных гор Иберских. Если бы не забота Алгимакуса, весь тот край уже вымер бы от хвори. Как и наши войска, которые принесли бы заразу в королевство. – Томас был раздражён, сир Эдмунд хотя и был явно осведомлён о многих вещах, происходивших на войне, имел на то взгляд, характерный для посетителей Голубой залы, приёмного внутреннего покоя короля. Он же едва сам не подцепил эту дрянь, если бы не совет пленного офицера, показавшего, какую траву надо заваривать и пить, чтобы обезопасить себя от хвори. Сир Эдмунд пристально уставился на него, не очень любезно.

– А вы сир Томас, видимо слишком принимаете близко к сердцу беды противников короны.

– От заразы могли вымереть всё живое вокруг! Вам не жалко тех несчастных, подданных короны, как нашей, так и владыки Лютееции?! Да хотя бы наших солдат! Вы видели, что происходит с человеком, когда эта зараза поражает его тело?! Я видел! И дышал этими миазмами! Если бы не советы алхимика Алгимакуса, выданного всем офицерам армии герцога Ангулем, то я бы тут не разговаривал с вами!

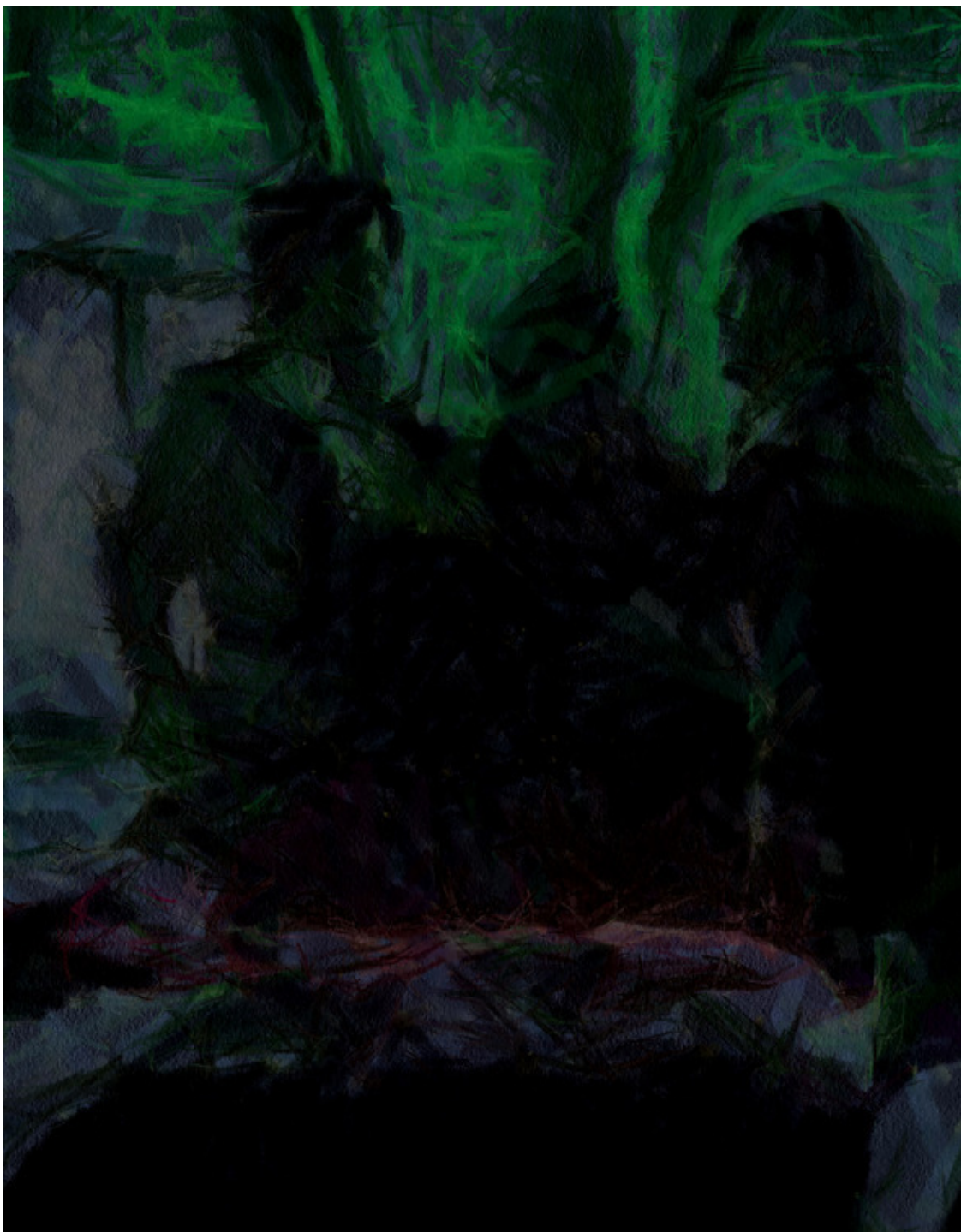
– А вы и там побывать успели? Но вы же вроде были в составе посольства графа Йордана. Вроде бы нельзя было так быстро вернуться с поля боя, а затем поступить в свиту к послу.

Томас замешкался, соображая, как вывернуться из сложившейся ситуации. Неожиданно на помощь пришла Шона. Она задорно рассмеялась, и присела на корточки. В грязи и копоти она расчистила каменную кладку, и всем открылся вид странной картины, почему-то нарисованный в таком неподходящем месте. Красной и зелёной краской по кругу были изображены фигурки.

– Вы только посмотрите, сколько лет прошло, а эти фигурки как живые!

– М-м-м, очень, очень странно. Ведь это культовые изображения Охотника. В круге. Странно, странно...

Сир Яго задумался, покручивая свой ус. Сир Эдмунд как-то неуверенно огляделся вокруг, словно попал в этот закуток только что, а не час назад. Дождь кончился, вдруг заметил Томас, и это его насторожило. Он вышел из комнаты, или что это было раньше, в коридор, вернее его остатки, и выглянул в бойницу. Эту незакрытую, выходящую прямо на заболоченную часть леса, разбойники починили, видны были следы недавней кладки и застывший раствор. Видимо отсюда отличный вид, решил Томас. И на самом деле, из крепости было хорошо видно лес, и пониженную заболоченную его часть, где немного левее протекала быстрая река Мильд. Шум воды и леса, были единственными звуками, нарушающими тишину. Тучи, суровые, низкие, словно от выстрелов пушек, окутали хребет Козла, по ту сторону реки, и не такие уж далёкие сосны упирались своими острыми верхушками почти в самое рыхлое тело облачной армии. Если так пойдёт дальше, туман полностью закроет весь лес, и как тогда возвращаться назад? А возвращаться назад надо сегодня же, даже сейчас.

Ещё когда он был почти мальчишкой, во время победоносной кампании в лето первого правления короля Симона Больного, его включили в состав боевой части. Пополнив новичками только что выдержавший первую жуткую атаку альбийской тяжёлой пехоты, отряд лёгкой кавалерии армии графа Кента Роуданна, остатки кавалеристов выставили на правом фланге, под Брино, жалким городком, снесённым почти полностью за время войны. На следующее утро началась атака противника по всему фронту, как потом оказалось. Во время боя Томас бестолково тыкал, куда попало своим мечом, ставшим неподъёмным уже через час бестолковой рубки, когда его посетило за секунду до удара пикой видение, заставившее его отклониться от железного жала в самый последний. И потом было несколько раз, когда это видение предупреждало его о возможной опасности, или даже самой смерти. Так и теперь, он чувство-

вал опасность, грозящую ему смертью, именно смертью, от леса, на который спускался туман. В постепенно сморкающихся небесах ещё мерцали всполохи, но гром уже не гремел. Однако от этого легче не было. Ещё этот странный рисунок на полу, да и само место.

Томас потряс головой, стукнул по камню возле бойницы и вернулся к оставшимся в тишине спутникам. Те продолжали, как заворожённые взирать на картину, фреску, нанесённую каким-то странным художником на пол. Шона расчистила пол, и взорам предстали три круга, окрашенные разными цветами – чёрный, красный, белый. Внутри кругов были нарисованы двенадцать фигурок, соответственно красным, зелёным и чёрным цветами. Чёрный круг закрывал красный диск, с нарисованным золотым змеем, сложенным в лабиринте, держащим свой хвост в пасти.

– Пошли отсюда, пока не поздно. Это плохое место. Вот потому и бандиты не прятали толком свои деньги, кто будет по своей воле здесь рыться?! – Томас нервно проговорил свои слова, удивившись, что его голос немного дрожит.

Они подняли головы, и он увидел в их глазах странное выражение, ословелое и бездумное. Мельком взглянув на фреску, Томас почувствовал, как его голова наполнилась свинцом. Ему показалось, что он слышит музыку, ритмичную, идущую откуда-то издалека, и как будто замершие фигурки на полу начали свой размеренный танец. Магия, магия настолько старая, что даже сам мир не был таким уж старым рядом с ней. Где-то глубоко раздавались мерные удары большого барабана, и тихо грустно пела свирель. Раз-раз-два-раз-раз-два-будь-с нами-раз-войди-в-круг-раз-раз-два-три. Томас помотал головой и сжал до боли кулаки. Он выдохнул воздух, закрыл глаза, глубоко вдохнул, а затем, стараясь не смотреть на круг, подошёл в Шоне и взял её за руку. Девушка не сопротивлялась, покорно пошла за ним. Он отвёл её к коням, нервно прислушиваясь к чему-то, посадил на одного, кажется это был конёк сира Яго.

– Жди меня и не слезай с коня!

Она не повернула головы, оставшись недвижимой в седле. Затем он проделал это с сиром Яго, посадив его на Левкоя. Последним был сир Эдмунд. Вышло так, что он оказался намного больше способным к сопротивлению магии, либо не взирав с таким любопытством на фигурки, как Шона и сир Яго. Выйдя из комнаты, он неожиданно вырвал свою руку из руки Томаса и устался на него, немного ошарашенный.

– Что?! Где?! А где наяды?! Куда... Ох!

Надо отдать должное, сир Эдмунд сумел быстро прийти в себя, в отличие от более пожилого Айдила и Шоны. Те всё ещё продолжали тупо смотреть впереди себя. Колхаун, или кто он был на самом деле, скривил рот и помассировал правой рукой затылок. Затем глядя покрасневшими глазами, тихо, почти шёпотом сказал. Голос у него был, как у старика, хотя с каждым словом речь становилась более обычной.

– Ты когда-нибудь встречался с чем-то подобным? Ведь ты не тот, за кого себя выдаёшь. Кто ты? Впрочем, нет, прости, я и сам тут под именем, не совсем привычным для моих... моих людей.

– Не знаю, там, откуда я родом, такое называют, э-м-м, шепотом Древних, что бы это не значило, вещь отвратительная и опасная. И спасения от него нет. Если человека, застигнутого такой музыкой, не вывести из силы круга, то он так и умрёт, увлечённый игрой и танцем с воображаемыми партнёрами. А может и не воображаемыми? Кто знает? Вы, или быть может, перейдём на «ты»? И представимся, наконец, друг другу настоящими именами?

– Нет, не стоит. И я буду тоже обращаться к вам на «вы», сир. А настоящего моего имени вам лучше и не знать. Как и мне вашего. Для нашего обоюдного спокойствия.

– Хорошо. Что вы видели и слышали? И не думаете ли, что пора нам убираться из этого проклятого места?

Сир Эдмунд, Томас решил продолжать называть его этим именем, задумался, и опасливо посмотрел в сторону комнаты, где совсем недавно он пребывал в плену древних чар. Поежившись, он медленно сказал, понизив голос.

– Я слышал голос хозяина этого замка! И он велел мне открыть старые ворота, дабы он смог войти в мир! Давай-ка убираться отсюда, сир! Эй, ты чего это делаешь, девушка! Брось кирку!

Глава шестая

Вот так он и попал сюда, по глупости и из-за ложного понимания благородства. Неизжитые за годы скитаний старые принципы, которые вбил в его голову отец, оказывались зачастую его главными врагами. Томас повернулся на старой соломе, хранившей запахи прошлых посетителей этого негостеприимного заведения. Тюрьма округа, расположенная в Нью-Марл видимо была ровесницей проклятому замку. Такое же старое, почерневшее от времени и сырости здание, хранившее не менее ужасные секреты своей жизни. А может быть и ещё страшнее. Ведь хозяин Блефлэйм редко кого казнил у себя, по причине исключительного уединённого положения замка. Всю грязную работу выполняли палачи его государства. Да, он был государь. А далёкий предок Томаса – убийцей короля. Любых убийц судьёю обычно не любят, но убийц короля, если только они не занимают трон, не любят исключительно, и даже полагают своим долгом отправить таких как можно скорее на эшафот.

И ничего, если любимый монарх оказывается кровожадным ящером, имеющим уникальную способность создавать иллюзию вокруг себя, дабы походить на человека. И наплевать судьё, если убитый ящер относится к данному «монарху» весьма отдалённо, потому как за годы, за почти век, потомки «короля» выродились в простых огромных болотных тварей, пускай и способных пускать огненную струю. Даже такое чудовище есть особью королевской крови, и нечего всяким заезжим прохвостам убивать досточтимого милорда в змеиной шкуре! Да ещё и вслух говорить об этом в питейном заведении, совсем рядом с городской ратушей. Похвалятся таким странным родством с неким Альбертом из Брейи, также прославившимся убийством принца крови. Из чего следует, согласно уложению о страже, и Уставу свободного города Нью-Марл, а также следуя букве закона, а именно статье за номером 63 из Кодекса Короля Вильяма, приговорить указанного Томаса из Брейи, дворянина тридцати трёх лет от роду, холостого, к смертной казни через отделение головы путём нанесения не менее трёх ударов мечом.

Объявив это, судья Смолет, знакомый бейлифа Стерна, который в свою очередь является подданным барона Иена Кармайкла, незаконно занявшего своё место, принадлежащее Кирку Кармайклу. А попал непосредственно в лапы стражи он, живодёр и душегуб, за попытку заступиться за Шону, которую пьяный солдат попытался облапать, как водится в трактирах. Шона ответила солдату так, как могла ответить артистка, вольный человек, тупому и наглому ублюдку, надевшему кирасу, и полагающему, что весь мир, или, по крайней мере, та малая часть, что лежит перед ним, принадлежит исключительно его воле. Завязалась весьма тревожная перепалка, сир Яго осторожно попытался вставить слово, но был грубо послан солдатнёй. Туту Томас окончательно вышел из себя и нанёс обидчику девы и дворянина весьма не благородный удар лавкой по голове. В процессе поимки и ареста своего защитника, Шона куда-то пропала, как и сир Яго. Томас мог только надеяться, что его деньги, оставшиеся в седельной сумке Левкоя, попадут в правильные руки. На своё освобождение он не рассчитывал.

– Эй, добрый человек, как тебя, запомнил, есть чего пожевать? Второй день голодом морят меня. – Его окликнул грязный невысокий человек, по запаху – крестьянин. Почесывая свою поросшую густой шерстью грудь, он уныло уставился на пустую миску, куда уже два дня ничего не подавали. Такое случалось часто в тюрьмах, осужденных на смерть, лишали всяческого питания, списывая согласно правилу полный пансион несчастного, и в последний день его жизни прибавляли ко всему прочему посещение девицы. Если в столице узнавали о таком нарушении законов короля, судья сам отправлялся на эшафот. Герцог Финган за последние десять лет проредил численность судей в королевстве, многих приговорив к смерти, иных сослав на каторгу. Но в таком глухом краю, как этот проклятый Лохк-Морен, полностью оправ-

дывающий своё древнее, истинное прозвание, кто будет бороться за справедливость! Особенно, за справедливость в отношении бродяги?!

– Сир, будьте благоразумны, этого благородного рыцаря бездушный сатрапа приговорил к смертной казни, руководствуясь абсолютно диким поводом! Он прировнял какого-то большого тритона, представляющего опасность для крестьян и путников, с самим королём! Будь у меня возможность, а у достойного сира время, я бы отправил письма в канцелярию, лорд-протектору, и в Королевский суд! Судья Смолет выжил из ума и представляет опасность для всех людей, в то время как преступники спокойно разгуливают по городу! О, где же слава короля!

Голос подал слева от Томаса старик в рваных одеждах, но с благородным лицом, покрытым пылью или грязью. С классическими следами пьянства, он тем не менее, не потерял окончательно человеческий облик, и попытался хоть как-то прикрыть свои прорехи с помощью завалившейся в соломе мешковины. Вышло так, что теперь он стал напоминать огородное чучело, пускай и благородным лицом и учтивыми манерами.

– Э-э-э, Брайтон, этот парень уже от страха забылся. Смотри, даже головы не повернул! Эй, рыцарь! Чего лежишь, как тюфяк?! Встань, встань я говорю! Отвечай, когда с тобой разговаривают!

С пола поднялся высокий и худой, заросший черноволосый бродяга, судя по клейму на лице – насильник. Аристократ умолк, опасливо поглядывая на агрессивного сокамерника. Первый заключённый, заговоривший о хлебе, быстро переместился к стене, нырнув в кучу сена. Высокий брюнет явно полагал себя сильнее всех в камере. Томас молчал, даже головы не повернул. Его мысли были сейчас заняты отнюдь не хамом, или хлебом, а проблемой, как ему выкрутиться из сложившегося неприятного узла его жизни. Брюнет подошёл к нему и неожиданно пнул в бок, с рыком, от которого остальные заключённые вжались в сено.

– Эй, щенок, отвечай, когда с тобой разговаривают...

Но вот договорить он не успел. Он занёс ногу и почти ударил Томаса, когда слова покинули уста хама. Почти. В самый последний момент Томас вильнул в сторону, зажал правой рукой ступню, обутую в какие-то вонючие обмотки, и правой же ногой ударил противника в низ живота. Тот повалился, и Томас, выпустив ногу, в тот же момент ударил ещё раз правой ногой в лицо брюнета. Тот упал, без звука и какого-либо возгласа на каменный пол. Его голова с гулом ударилась о камень. Аристократ ойкнул, и осторожно поднялся со своего места. Томас уже стоял на ногах, готовый к следующему противнику. Оборванец из кучи соломы высунул голову, и тут же спрятался вновь, бормоча что-то себе под нос. Аристократ подошёл к лежащему бездыханно насильнику и опустился на колени. Потрогал лоб, веки, шею, затем поднял глаза, почти бесцветные, от старости или от болезни, и прошептал.

– Сир, вы убили его, клянусь мощами святой Юстинии, вы убили его!

– Его убил камень, любой медик, кто согласится обследовать труп, не найдёт на теле никаких повреждений, выходящих за рамки обычных синяков для такого заведения. Поверьте, сир, я знаю, что говорю.

Томас с безгловостью отошёл от трупа и встал под зарешёченным окошком. Окошко было небольшое и воздуха явно не хватало, чтобы разбавить смрад камеры. Сзади раздались осторожные шаги и покашливание. Он не повернулся, а аристократ осторожно произнёс, взвешивая каждое слово.

– Меня зовут Вик дэ Жиль, когда я был дворянином, но теперь я могу лишь быть рад, что могу поговорить с человеком, равным мне по сословию.

– Сир Томас. Впрочем, вы наверняка знаете моё имя, редко когда судят убийцу змея королевской крови! Но вот меня интересует вот какой вопрос. Кто такой, Брайтон, этот убудок говорил про какого-то Брайтона.

– А, это какая-то непонятная история, в общем-то, прелюбопытная. В его голове, у мертвого Шона, так его звали, Шон Потрошитель, жило два человека. Один это был он, Шон, сын батрака, ставший на путь преступлений, и другой, Брайтон, который заставлял его совершать преступления. Он часто разговаривал с этим воображаемым другом, или родственником. Если честно, он был страшный и жестокий человек!

– Я тоже страшен, когда меня пытаются оскорбить, унижить, ударить или ограбить.

– О-о-о, это понятно, сир! Ведь я сам некогда носил титул и щит с родовым гербом!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.